

К. Д. БАЛЬМОНТЬ

СОУЧАСТИЕ ДУШЬ

ОЧЕРКИ

1. Что даютъ міру Славяне?
2. Недоговоренное
3. Соучастіе душъ
4. Болгарскія сказки
5. Болгарскія пѣсни
6. На высотахъ Плевны
7. Пѣсни женской любви.

КАПБРЕТОНЪ 1928—1930

СОФИЯ
ДѢРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1930

КАМАРА НАР. КУЛТУРА

ЧТО ДАЮТЬ МИРУ СЛАВЯНЕ?

Когда возникаетъ какой-нибудь вопросъ, можно подходить къ отвѣту издалека, излучинами, дорогой изворотливой и живописной, приближеньями, сближеньями, иносказаніями, художественными, недоговоренно сказанными, выразительными реченіями.

А можно отвѣтить и вовсе прямо — какъ прямо, отвѣсно, падаетъ на добычу орель. Что даютъ міру Славяне? — Душу. — Какъ? Вы хотите сказать, что у другихъ Европейскихъ народовъ нѣть души? — Конечно, есть. У всякаго народа есть душа. Есть она и у Европейскихъ людей. Но Европейцы не даютъ, не отдаютъ свою душу. Они ее про себя берегутъ. Развѣ что дадутъ когда кусочекъ души своимъ близкимъ родственникамъ. Да и то съ оглядкой. Вотъ въ этомъ основная разность между Европейцемъ, какъ Европейцемъ, и Славяниномъ. Говоря — Славяне, я разумѣю всѣхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, Хорватовъ и Поляковъ, Словаковъ и Чеховъ, а прежде всего — будучи Русскимъ — Русскихъ. И я знаю, что Славяне даютъ міру душу, даютъ — не жалѣя и не оглядываясь, отдаютъ ее вовсе, цѣликомъ, когда давать ее приходится, а хоть отдаютъ, все она у нихъ остается, богатая, глубокая, непочатая, лѣсной ключъ, колодецъ въ пустынѣ, цѣлина нераспаханная, первая борозда весенней пашни, а около нея много, сбоку подскакивающихъ, длинноклювыхъ грачей, и вѣтерокъ свѣжий, ласковый отъ него мысли, и высокое, сверху, золотыми лучами, текучимъ золотомъ, крестить пашню Солнце.

1*

ИЗДАВА

МИНИСТЕРСТВО НА НАРОДНОТО ПРОСВѢЩЕНИЕ

15.9.14.76

Это какъ въ Евангелии отъ Іоанна: „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ.“ (Гл. 15). И какъ въ Евангелии отъ Матея: „Ибо, кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтеть ее“. (Гл. 16). Славянинъ, и какъ отдѣльный человѣкъ, и какъ слитное цѣлое Славянского народа, легко отдается, указанной Звѣздорожденнымъ стезѣ, онъ очень способенъ легко положить душу свою за друзей своихъ, и часто въ Исторіи теряетъ душу свою, жизнь свою, землю свою, лицо свое, но Свыше Обѣщавшій отдаетъ ему, опять и опять, и лицо, и землю, и жизнь, и душу. И снова онъ — нераспаханная цѣлина, и первая пашня, чистосердечная улыбка, прямota при лукавствѣ, умудренная рѣчъ, снисходительность старца, улыбка ребенка, звонкій смѣхъ безоглядного юноши.

Таково Славянское, въ лучшей, точно взятой, остро ухваченной, четкой грани. Славянское извѣчное. Черезъ столѣтия, черезъ мглу тысячелѣтій, отъ Славянина къ Славянину, отъ души къ душѣ переливающееся. На этой чертѣ, — способность самоотдачи себя другому и способность самоотдачи себя, до самозабвенія, цѣли, которая обманула, — построенъ рядъ великихъ, историческихъ несчастій Славянъ. Столѣтия носимое Русскими, иго Монгольское. Столѣтия носимое Чехами, иго Германское. Столѣтия носимое Болгарами и Сербами, иго Турецкое. Въ извѣстномъ смыслѣ, весь этотъ горький и страшный путь ига былъ для всѣхъ насы только дорогой раскрытия нашихъ душевныхъ богатствъ. Жуткой, задымленной, огненной кузницей, въ которой мы выковали нашу волю, желѣзо меча, и крѣпкій, надежный плугъ, и лунное серебро нашихъ прославленныхъ сказокъ,

и золотые гроздья нашихъ бессмертныхъ народныхъ пѣсенъ, какихъ равноцѣнныхъ — ищи, гдѣ хочешь, не найдешь ни у кого, кроме Славянъ и неумирающей въ тысячелѣтіяхъ, съ Славянами въ путяхъ переплетавшейся, въ лѣсномъ царствѣ отъединенной Литвы.

Быть въ неволѣ, сто лѣть, четыреста лѣтъ — и не утратить себя, а сохранить свой языкъ, свою особливую чувствительность, кроткій оглядъ міра, это вѣдь быть распятымъ и воскреснуть. Это быть заточеннымъ въ глубокое подземелье на половину своей жизни, а выйти къ Солнцу потомъ не разбитымъ, преждевременно дряхлымъ старикомъ, но смѣющимся, солнцепекимъ юношней, у которого руки такъ и рвутся къ творческой работѣ, такъ и тянутся также, въ золотомъ освѣщеніи Дневного Свѣтила, къ радости обнять любимую, несравненную Мать, свою Родину, и сестру, и брата, и любу свою, и цѣлый міръ. Таинство пресуществленія. Свинецъ, претворенный въ золото. Высокій примѣръ героизма и придорожная часовня, гдѣ можно помолиться усталому путнику.

Лѣсь не прялъ, не ткалъ, ты знаешь,
Всю былъ зиму тяжко боленъ,
А какъ день пришелъ Егорья,
Весь облекся въ облаченье,
Онъ въ зеленомъ новомъ платьи,
Крыть зеленої епанчою,
Всюду, глянь, зеленый бархатъ.

Какой тонкій искусствникъ написалъ этотъ преображеній стихъ? Въ немъ изящество Венеціанскаго хрусталя, въ немъ тонкость Фламандскаго кружева. Его пропѣлъ, а не написалъ, — лишь кто-то другой записалъ, какъ ученьи собиратель народныхъ пѣсенъ, но не написалъ, а пропѣлъ, — простой Болгарскій крестьянинъ.

Вслушайтесь и вглядитесь въ такую пѣсню. Не пастухъ чужого народа-пришельца пропѣль Евангельски-бисерную пѣсню, а не утопившій въ жуткомъ потопленіи свою душу Славянинъ.

Возьмите другую народную Славянскую пѣсню.

Ой, дѣвица, цвѣть цвѣтистыи,
Что поводишь такъ бровями?
Боль роняешь въ сердце юныхъ,
Боль въ моемъ зажгла ты сердцѣ: —
Конь со мной, хожу я пѣший,
Я обуть, хожу я босый,
Хлѣбъ со мной, и все не сытъ я,
Есть вода, и жажду, жажду!

Эту пѣсню пропѣль Хорватъ. Весь горный, надморскій, полетный, лихой вѣтеръ тутъ. И бѣшеное играніе скрипки. Самъ Сарасатѣ лучше не съиграеть. Припомните же вы, что читаете вотъ эти строки, вы эту пѣсню читаете вѣдь въ первый разъ, вы ее не знали. Зачѣмъ? Почему? Вы знаете другія строки, много разъ ихъ вамъ пѣвали въ гостинныхъ.

Нѣть, только тотъ, кто зналъ,
Свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдаль,
И какъ я стражду.

Должно сказать. Знаменитыя эти строчки Гёте весьма бѣдноваты, въ сравнении съ народною пѣсней, пропѣтой Хорватомъ.

Славяне — по существу своему — скромны и смиренны. Но прекрасное слово есть въ дружеской перепискѣ Красинскаго и Словацкаго, двухъ поэтовъ изъ троезвѣздія, возглавляемаго Мицкевичемъ: „Истинное смиреніе неразъединимо съ благородною гордостью, и настоящая гордость смиренна.“ Славянинъ, найдя кладъ

цѣны неоцѣнимой, подъ расцвѣтшимъ папоротникомъ, не торопится прозвонить объ этомъ на всѣхъ колокольняхъ. И благо ему. Его цвѣты подолгу остаются въ прикосновенія не только человѣческихъ рукъ, но и человѣческихъ глазъ. Это и придаетъ имъ, когда они наконецъ бывають найдены созерцаніемъ, такую обворожительную свѣжую прелестъ — такую непохожесть на другіе цвѣты земли. Кротостью, упорствомъ и долго таимымъ, но въ должный мигъ взрывающимся гнѣвомъ возмездія, и благимъ Божімъ трудомъ строительства, и нашою душевною способностью въ достижениіи намѣченного и въ досягновеніяхъ свершенныхъ — пребывать какъ бы пустынножителями, — будемъ и впредь Славянами. Будемъ и впредь птицами ширококрылыми, умѣющими, въ священный мигъ Исторіи, изъ сомкнутыхъ крыльевъ соткать воздушный коверъ Тому, Кто видѣтъ все, и незыблемое подножіе для Пречистой, для Пресвятой Матери-Дѣвы, Звѣзды Морей.

Но да не впадемъ мы, Славяне, въ великую ошибку самоусыпленія и самовосхваленія. Говоря сейчасъ эти слова, я говорю лишь объ извѣчно Славянскомъ, взятомъ въ положительномъ, взятомъ въ точно ухваченной, четкой грани. А часто-ли мы въ этой грани бываемъ, своимъ дѣланіемъ и бытіемъ? Наша способность самозабвенно отдаваться тому, что пало намъ въ сердце, слишкомъ часто приводить насъ не къ геройству, а къ слѣпому заблужденію. Славянская рознь вѣдома всѣмъ. Личное слишкомъ часто у насъ принимаетъ такіе размѣры, такую водоворотную силу внушенія и порабощенія воли, что мы чаще, чѣмъ кто-либо, попадаемъ въ западню, нерѣдко поставленную намъ нашей собственой неосмотрительностью. Получается двойственное явленіе, съ двойной его оцѣнкой. Трагическій

примѣръ того, о чёмъ сейчасъ рѣчъ, мы видимъ въ роковомъ концѣ двухъ величайшихъ Русскихъ поэтовъ, Пушкина и Лермонтова. Беря ихъ смерть, какъ явленіе чисто-художественное, можно усмотрѣть много красоты въ самозабвеннѣй способности и Пушкина, и Лермонтова такъ безоглядно и безкорыстно подойти къ предѣльной чертѣ. Но, спокойно разсмотривая всѣ обстоятельства, двумъ этимъ трагическимъ смертямъ предшествовавшія, нельзя не видѣть, что и Пушкинъ, и Лермонтовъ должны были, и могли, не разрубать змѣиный клубокъ, а развязать его, могли и должны были донести свои свѣтильники, единственный, у каждого, геній до глубокой старости, — какъ это сдѣлалъ Леонардо да Винчи въ Италии, не пустившійся въ рукопашный бой съ противникомъ, когда Микель Анджело осрамилъ его бранью при другихъ, и какъ это сдѣлалъ въ Германіи Гёте, достроившій для своего народа полностью всѣ зданія, что строить ему внушila его творческая судьба.

Быть можетъ, самое золотое слово, которое сказалъ въ своей краткой жизни бессмертный Пушкинъ, болѣе, чѣмъ кто-либо, показавшій Русскимъ Россію и Русское, его замѣчаніе: „Нѣть убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣть истины, гдѣ нѣть любви“. Любящей душой проходимъ мы по миру, и входимъ неожиданностью въ правильно размѣченные, чуждыя дома Европы или Америки. Музыкой, исторгнутой изъ необщихъ глубинъ, пляской, въ которой съ нами никто не сравнится, чисто-сердечiemъ и простодушiemъ дѣтскими, соединенными съ зоркимъ, наблюдательнымъ умомъ, неожиданностью обращенія сердцемъ къ сердцу тамъ, гдѣ всѣ привыкли къ холоднымъ, внѣшнимъ формуламъ, нашимъ стихомъ, въ которомъ пробѣгаютъ, перебѣгая струнно по гуслямъ, степь, и лѣсь, и поле, и Море, нашей деревенскойю

въ городскомъ, совѣтствую Достоевскаго и Толстого, горящей двойнымъ факеломъ въ черное время умосвояющей безсовѣтности, — и чѣмъ-то, чѣмъ-то еще, что трудно уложить въ слова, но что прямо подходитъ къ человѣку, какъ прямо подходитъ къ нему невѣдомый ребенокъ, и солнечный лучъ, и священный посланикъ далекаго Праведнаго Царства, — этимъ всѣмъ, — и да будемъ лелѣять въ себѣ это все, вопреки немилосерднымъ испытаніямъ Судьбы, — такими ликами, мы, Славяне, мы, Русскіе, нынѣ разметанные по всему миру, проходимъ по этому чуждому миру и входимъ въ иныхъ сердца слѣдами свѣтлыми.

Лѣтопись Нестора, живописуя Ольгу, въ мигъ пріятія ею Христова ученія, говорить, что Патріархъ получаль ее вѣрѣ, „она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаєма, внимающи ученья“. Вотъ одинъ ликъ Славянина. Сердце, раскрытое миру, желанье вліянія, жажда духовныхъ пріобрѣтеній. Лѣтопись Нестора говоритъ о Святославѣ: „... и легко ходя, аки пардусъ“. Вотъ другой ликъ Славянина. Быть легкимъ, какъ барсъ, въ достижениіи намѣченной цѣли, ликъ особливый, походка безшумная, прыжокъ красивый и вѣрный.

Великолѣпная надпись, благовѣстie-начертаніе на Колоколѣ гласитъ: „Vivos voco. Mortuos plango. Fulgora frango“... — Живыхъ призываю. О мертвыхъ рыдаю. Молніи ломаю“. Вотъ, что-то подобное этому могучему голосу, что-то родное, вѣчно-живое, призывное чувствую я въ зеркалѣ Болгарской народной пѣсни, въ словахъ прежде временно умирающей юной дѣвушки.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Мать моя, радость родная,
Юною я умираю,
Не хорони меня скоро,
Дай подойти всѣмъ подружкамъ,
Пусть восковыми свѣчами
Всѣ онѣ — свѣты засвѣтятъ,
Всѣ принесутъ по цвѣточку,
Всѣ погрустятъ и потужатъ.
Послѣ меня ты склонишь,
Межъ двухъ дорогъ, двухъ широкихъ,
Тамъ, гдѣ несутся юнаки,
Буду я слушать, родная,
Какъ тамъ топочутъ ихъ кони,
Звякаютъ острыя сабли.

Le Bouscat, Gironde. 11, rue Lorta.
1929. 9 января.

О НАРОДНОЙ ПѢСНѢ

Народная пѣсня — такое глубокое, ёмкое зеркало, что все въ немъ можно увидать, всѣ многообразныя движенія человѣческой души, всѣ красивыя вліянія, втекающія въ человѣческую душу изъ Природы, и всѣ духовные брызги, которые душа, чувствомъ взволнованная, отбрасываетъ, лучезарно и объемлюще, на луга, поля, лѣса, и горы, и Море, на всю основу Природы, которая стала бы много бѣднѣе безъ этой пѣвучей, красочной перевязи своей съ человѣческой душой.

И меня дивить, что современные Русскіе поэты, — а ихъ много, — не изучаютъ невѣдомую имъ красоту — народную пѣсню братски родныхъ намъ странъ, Литвы, Болгаріи, Сербіи, Хорватіи, Чехіи, Польши. И эти имена вѣдь еще далеко не полный перечень. Что за охота — для меня непостижимая — все время улиточно сидѣть въ своей собственной малой раковинѣ? Что за непостижимо-дурной вкусъ — нарочитое, лѣнивое самообѣднѣніе? Долгіе годы жить около дремучаго лѣса — и ни разу въ него не заглянуть. Но березы, ели, сосны, и дубы, и лиственницы умѣютъ говорить красивѣе людей. Пойди, послушай, — вернешься умнѣй и богаче. Но соловьи, жаворонки, и малиновки, и дрозды, и кукушка, и всѣ крылатыя поютъ гораздо лучше, чѣмъ Патти, музыкальная сочетанія ихъ голосовъ означительнѣй и неожиданнѣе. Послушай, — не пожалѣешь. И, сопоставивъ какую-нибудь Русскую народную пѣсню съ Литовской или Сербской, съ Хорватской или Бол-

гарской, въ новыя души заглянешь, новыхъ тайнъ соприкоснешься, и нѣсколько промелькнетъ царскихъ вѣнцовъ, и много засіяетъ дѣвическихъ-женскихъ улыбокъ и взглядовъ луцистыхъ.

Народная пѣсня, отображая всю полноту чувствъ, ни въ чёмъ, быть можетъ, не выказываетъ свою творческую власть такъ сильно, какъ въ напѣвѣ-заговорѣ. Заговоръ — заклятие, проклятие и завороженіе. Проклиная, можно-ли быть изящнымъ? Трудно. А проклятие или заклятие, произносимое народнымъ напѣвомъ-заговоромъ, всегда изящно.

Я беру Малайскій заговоръ, заговоръ-заклятие.

ЗАГОВОРЪ О СТРѢЛѢ

Я спускаю стрѣлу, закатилась Луна,
Я спускаю стрѣлу, чаша Солнца темна,
Я спускаю стрѣлу, звѣзды дымно горятъ,
Задрожали, глядятъ, межъ собой говорятъ.
Я не звѣзды стрѣлой поразилъ, поразилъ,
И не Солнце съ Луной я стрѣлою пронзилъ,
Всѣ въ цвѣтокъ мои стрѣлы воинились, горятъ,
Я сердечный цвѣтокъ поразилъ черезъ взглядъ.
Я стрѣлу за стрѣлою до сердца продлю,
Выходи же, душа, той, кого я люблю,
Выходи и прилягъ на подушку мою,
Я стрѣлою, душа, я стрѣлой достаю.

Въ этомъ заговорѣ живописаніе всѣхъ очарованій неотступной влюбленности, доходящей до демонизма, очарованій причудливаго Малайца, такъ превосходно въ Русскомъ словѣ нарисованнаго Тургеневымъ, въ его „Пѣсни торжествующей любви“, — и чаръ Явы, гдѣ маленькия, нарядно одѣтые, стройныя женщины уклончивы какъ змѣи, среди безчисленныхъ цвѣтовъ, и гдѣ

по ночамъ такъ зловѣще шелестятъ многочисленныя змѣи. Но я беру, послѣ этого экзотического заклинанія, прянаго, какъ Восточные ароматы, заговоръ крестьянской-христіанской братской намъ страны, Болгаріи.

ДѢВИЧЕСКОЕ ЗАКЛЯТИЕ

Вчерашнею ночью, родная,
На ключъ, на студеный, пошла я,
Мой милый, гляжу, задержался,
Съ другою ведеть онъ бесѣду,
Я люто его проклинала: —
„Ну, милый, въ любви не люби ты,
Ни въ чёмъ да не знаешь успѣха,
На девять годовъ пусть ты сляжешь,
На годъ на десятый пусть встанешь,
Въ горшокъ попадешь головою,
Да такъ и сиди по-турецки,
Богато живи и широко,
Комарь пусть конемъ тебѣ будетъ,
И пусть же сѣдельное стремя
Игольнымъ ушкомъ тебѣ будетъ,
И все же ты въ немъ будешь ёрзать“.

Я затрудняюсь сказать, какой заговоръ кажется мнѣ болѣе сильнымъ. Конечно, Малайскій, въ общемъ, много утонченнѣе. Но въ немъ нѣтъ такого сильнаго заключительного образа, какъ въ Болгарской пѣснѣ, — сильнаго и по художественному демонизму, и по утонченности художественной выдумки. Прочтя и переведя эту пѣсню, я вспомнилъ — захватывающій Евангельскій образъ богатаго человѣка и верблюда, съ игольнымъ ушкомъ, какъ вратами, и я вспомнилъ еще, какъ въ дѣтствѣ няня разказывала мнѣ съ простодушiemъ убѣжденнымъ, какъ въ Аду будутъ насть, дѣтей, мучить, если мы будемъ жадными, — горло у насть будетъ тонкое, какъ волосокъ, и мы будемъ ъсть и пить, но

никогда уже не сможемъ напиться и набѣстъся. Угроза тѣснотой, которая, всетаки, не будетъ впору, а будетъ ослаблять ненужной широтой, завершаетъ дѣвическое заклятие жутью. Когда святая Тереза увидѣла, въ дрѣмъ наяву, Адъ, — первое, что ее поразило, это, что тамъ узко и тѣсно. Болгарская пѣсня умѣла выбрать мѣтко свой завершительный ударъ.

Когда я читаю въ собраніи Русскихъ народныхъ пѣсенъ:

Летѣла ворона
Черезъ мохъ-болото,
Ой, сѣла ворона
На калиновомъ кустѣ...

— я вижу такую степень художественной изобразительности, умѣющей нѣсколькими словами нарисовать нашу Русь, что знаю — этому народному пѣвцу не приходится завидовать даже такимъ мастерамъ, какъ Пушкинъ или Аксаковъ. И, любя кошку, я естественно ищу разныхъ описаній кошки. Зная, что Брэмъ не только естествоиспытатель, но и превосходный разскazчикъ и живописецъ природы, я беру Брэма. Онъ даетъ мнѣ 10 страницъ отличныхъ, умныхъ и наблюдательныхъ описаній. Но мнѣ чего-то не хватаетъ. Одного исчерпывающаго слова. Я беру стихи Бодлера и читаю его знаменитыя строки о кошкѣ. Они великолѣпие. Но какая она литературная, кошка Бодлера, какая она Парижская, — мнѣ опять чего-то не хватаетъ. Одного какого-то слова, все закрѣпляющаго. Весь нравъ кошки описзывающаго. Я нахожу, наконецъ, это исчерпывающее слово. Гдѣ? Въ Рязанской народной пѣсенкѣ для дѣтей. Пѣсенка такая незамысловатая, что, пожалуй, лучше ее воспроизвести, какъ прозу. — „Кисенька! Гдѣ была?“ — „На мельницѣ“ — „Что дѣлала?“ — „Муку моло-

ла“. — „Что вымолола?“ — „Грошикъ“. — „Что купила?“ — „Калачикъ“. — „Съ кѣмъ сѣла?“ — „Одна“. Вотъ въ этомъ вся кошка.

Способность тонко построить изображеніе любовной тоски дѣвическаго сердца, въ немногихъ строкахъ, созидая это построение наростаниемъ образовъ такъ, что, сразу давъ ощущеніе темной ночи и постепенно все сгущая ночную тьму, свѣтомъ зари въ послѣдней строкѣ пѣсня разсѣаетъ ночь, какъ ударомъ огненнаго меча, и даетъ какъ бы осознать безсиліе этой ночи передъ силой тьмы тоскующаго сердца, — эта провидческая способность особенно хорошо выражена въ одной Сербской пѣснѣ.

НОЧЬ ТЕМНА

Ночь темна, какъ чаша тьмой налита,
Въ сердцѣ грусть, черезъ края въ немъ грусти,
Я грушу, ни съ кѣмъ не погрушу я,
Нѣть родимой, не съ кѣмъ потужить мнѣ,
Только милый, да и тотъ далеко,
Не дойдетъ, а ночь поля заполнить,
Не проснется, пѣсни всѣ споются,
Не полюбитъ, а заря ужъ глянетъ,
Свѣтъ зари, айда домой, мой милый!

Народная пѣсня, возникая, падала въ народную душу съ неба, съ грозой и молніей, она заходила въ народное сердце первымъ лучомъ восходящаго Солнца, заглядывала въ него нѣжнымъ обликомъ Вечерницы и Денницы, переливающимся бисеромъ частыхъ звѣздъ, колдующимъ Серпомъ едва означившейся Новой Луны, властвуетъ надъ ней цѣликомъ кругорогий Мѣсяцъ, заплескиваетъ въ нее Сине Море, и говоры всѣхъ серебряныхъ рѣкъ, качающихъ листву плакучей ивы и плакучихъ березъ, залетаетъ въ нее вседорожный и

бездорожный вѣтеръ, умѣюшій подслушивать вездѣ самыя скрытыя тайны. Къ Народной Пѣснѣ хочется примѣнить слова, съ которыми Русская народная пѣвица обращается къ своему сарафану.

Сарафанъ мой, сарафанъ,
Мой честной, хваленой,
Частопуговишной!
Что вездѣ мой сарафанъ
Пригождается: —
Онъ при городѣ городъ,
При дорожкѣ бѣль шатерь,
Отъ солнышка застѣнокъ,
Отъ сырой земли постеля.
За рѣкою шумъ шумить...

У каждого народа своя особая ухватка пѣть пѣсню. Въ одной книжѣ я прочелъ хорошее описаніе, какъ поютъ свои народныя пѣсни Литовцы. Авторъ, В. Сторость, разсказываетъ, между прочимъ: „Когда я слушалъ дайны (народныя пѣсни), во мнѣ всегда, какъ слѣдъ отличительный, оставалось нѣчто дремотное и вмѣстѣ таинственное и проникновенное. Мнѣ часто приходилось слушать хоровыя пѣсни въ Литовскихъ замкахъ надъ Нѣманомъ. И всего красивѣе онѣ звучать вечеромъ, когда онѣ возникаютъ самопроизвольно. Я захотѣлъ какъ-то заставить хоръ спѣть для меня. Не сразу этого достигла моя просьба. Подчиняясь культурной мысли обѣ алчности, я подумалъ, что тутъ все дѣло въ вознагражденіи. Я тотчасъ его и предложилъ. Я тотчасъ даже и набавилъ. Но отговорки оставались тѣми же самыми. Наконецъ пѣвцы нашли, что я слишкомъ ужъ много имъ предложилъ, и они споютъ, — но не сейчасъ. Я понялъ и отступилъ. Тутъ дѣло шло о душевной тонкости. Они никогда не пѣли никому другому. Они всегда пѣли для самихъ себя.

Но вотъ они запѣли. Запѣвало отвернулся отъ меня и закрылъ глаза. Послѣ нѣсколькихъ звуковъ присоединились и другіе. Они тоже отвернули отъ меня свои лица. Такъ пѣли они строфу за строфой и позабылись. Окончивъ, они долго молчали, какъ бы погруженные въ глубокую задумчивость. Кто-то сдѣлалъ тихое замѣченіе, другой ему молча кивнулъ. Запѣвало, казалось, еще чего-то ждалъ. И вотъ началась вторая пѣсня, громче. Такъ было спѣто много пѣсенъ. — Народная пѣсня для Литовца — не только средство для возбужденія душевнаго движенія. Она одновременно — его душевное состояніе. Потому онъ и хочетъ хранить это для себя“.

Народная пѣсня — шопотъ тайны, и народная пѣсня — смѣлая рука, быстро берущая желанную руку. Народная пѣсня — любовь, и тоска, и костеръ, и соколиный полетъ, и пляска. Что раньше возникло на землѣ — пѣсня или пляска? Я думаю, что онѣ возникли одновременно. Вѣдь одновременно есть пѣсня и пляска въ волнѣ Океана. И одновременно есть пѣсня и полетъ въ вѣтрѣ. И одновременно есть полетъ и пѣсня въ явленіи жаворонка. Жаворонка, этого наилучшаго учителя пѣсни и пляски, ибо это единственная птица, которая поетъ налету.

Вотъ превосходная Литовская народная пѣсня, самымъ движениемъ своихъ строкъ изображающая пляску счастья, танецъ любви, дружный ходъ двухъ душъ къ блаженству взаимоотдачѣ себя на всю жизнь.

ПЕРЕКЛИЧКА

Пѣвецъ я пѣсенъ,
И спѣть желаю,
Я пѣсню пѣсенъ.

Хочу раскрыть я
Мой ларчикъ пѣсенъ,
Летите, пѣсни.
Нѣтъ крови въ камнѣ,
Въ водѣ нѣтъ крыльевъ,
Въ крапивѣ — цвѣта.
Во мнѣ есть пѣсня,
Со мною юность,
А гдѣ же дѣва?
Продамъ коня я,
Продамъ сѣло я,
Найму ткачиху.
Въ отвѣтъ на это,
Приходитъ дѣва,
Вотъ на порогѣ.
Сѣло оставь ты,
Коня оставь ты,
Ткачихой буду!
Пѣвица пѣсень,
Пропѣть желаю
Я пѣсню пѣсенъ.
Раскрыть хочу я
Мой ларчикъ пѣсенъ,
Летите, пѣсни.
Нѣтъ крови въ камнѣ,
Въ водѣ нѣтъ крыльевъ,
Въ крапивѣ — цвѣта.
Во мнѣ есть пѣсня,
Со мною юность,
А дѣ же юный?
Продамъ кольцо я,
Продамъ вѣночекъ,
Чтобы былъ мнѣ пахарь.
Въ отвѣтъ на это,
Подходитъ юный,
И молвить слово: —
Оставь кольцо ты,
Оставь вѣночекъ,
Я буду пахарь!

Le Bouscat, Gironde. 11 rue Lorta.
1928. 8 декабря.

СКАЗКИ ПЕРВОБЫТИЯ

Первобытіе, первобытность, первоначальность, первинки бытія. Это состояніе первоцвѣта и впервые брызнувшей угадчивости прозрѣнія, сверкнувшаго изъ мглы простодушнаго созерцанія полно плѣнительности и притягивающей къ себѣ мысль истощенную и утомившуюся истощеніемъ. Такъ умудренный путникъ дней, надъ головой котораго сѣдою вы沟ой прошумѣли многіе десятки лѣтъ, смотрѣть съ умиленіемъ на играющихъ около его ногъ дѣтей и молча видѣть, что дѣти часто умнѣе и находчивѣе взрослыхъ.

Первобытіе растрачивается и теряется въ исторіи народовъ. Но на островахъ, въ горахъ и во всѣхъ мѣстахъ, окруженныхыхъ трудно-проходимыми преградами лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, первоначальность воспріятій и первобытность представлений сохраняются въ нетронутости нерѣдко черезъ рядъ тысячелѣтій. Къ одному изъ разрядовъ такой свѣжей творческой первобытности относится особый видъ народныхъ сказокъ, гдѣ означается устроеніе міра именно во дни первобытія. Эти сказки у разныхъ народовъ полны схожаго сліянія простодушія съ угадчивостью свѣжеутренняго взгляда на міръ, — съ прозрѣніемъ мудрымъ, дающимъ намъ символы, знаменія.

Самоанская сказка объ Огнѣ гласитъ. Наши предки ъли все сырымъ. Это одинъ только Тіитіи съумѣль сдѣлать такъ, что стали варить, жарить пищу и печь ее. У Тіитіи отецъ Таланга. А Таланга полюбился богу

ее и сломалъ. Хватъ его и за другую руку, видить Мафуie, что дѣло плохо и взмолился. — „Не ломай“, говорить, „мою лѣвую руку, мнѣ Самоа держать нужно, чтобы Самоа не упало. Отдай мнѣ мою лѣвую руку, а я тебѣ сто женъ моихъ отдаамъ“. — „Нѣтъ“, говоритъ Тіитіи, „не надо мнѣ твоихъ женъ“. — „Ну, такъ хочешь, дамъ тебѣ огонь? Если отдашь мнѣ мою лѣвую руку, будетъ у тебя огонь, и будешь на немъ печь себѣ пищу“. — „Идетъ“, отвѣчаль Тіитіи. — „Тебѣ рука, а мнѣ огонь“. — „Идетъ“, отвѣчаль Мафуie. — „Въ каждомъ деревѣ — сруби, и найдешь огонь“. Срубилъ Тіитіи дерево, потеръ одно полѣнце о другое, задымился огонь и загорѣлся. Вотъ съ той самой поры мы и жаримъ себѣ пищу, и варимъ ее, и пекемъ. А когда земля трястется, всякий про это вспоминаетъ. — „Хорошо“, говоритъ, „что Тіитіи Мафуie одну только руку оставилъ. А то и не такое бы еще трясеніе произошло“.

Эта сказка и по содержанію своему есть сказка первобытія, въ точномъ смыслѣ этого слова, и явно она первобытная. Она относится къ той давнишней порѣ, когда одно племя Самоанцевъ было племенемъ людоѣдовъ и уже владѣло тайной огня, а другое племя сумѣло вынудить у него эту драгоцѣнную тайну. Мафуie — представитель одного племени, Тіитіи — другого.

Первобытный человѣкъ вѣрить въ силу слова, въ неустранимую силу клятвы. Въ этомъ отношеніи уже самое имя человѣка, или звѣря, или какого-либо предмета есть нѣчто волевое, творящее. Узнавъ имя существа и произнося его заклинательно, мы устремляемъ нашу волю на волю этого существа и побуждаемъ чуждую волю къ подчиненію нашей. Въ этомъ смыслѣ наша дѣтская пѣсенка — „Дождикъ, дождикъ, перестань — я поѣду во Рязань, — Богу помолиться, — Христу пок-

землетрясенія Мафуie. Подъ землею жилъ Мафуie, и всегда подъ землею горѣлъ огонь. Пошелъ разъ Таланга къ скалѣ отвѣсной. Подошелъ и говоритъ: „Скала, раздѣлись! Я Таланга. Работать пришелъ!“ Скала раскрылась, Таланга вошелъ. Впустила его скала и закрылась. Выслѣдилъ это Тіитіи. Подождалъ онъ, подождалъ, подошелъ къ скалѣ на то самое мѣсто и голосомъ отца говоритъ: „Скала, раздѣлись! Я Таланга. Работать пришелъ!“ Скала раздѣлилась. Вошелъ Тіитіи, а передъ нимъ поле, а на полѣ отецъ его. Работаетъ Таланга. Удивился немало онъ, какъ увидалъ сына. „Тише“, машетъ на него рукой. — „Если услышитъ тебя Мафуie, очень онъ разгнѣвается“. Спрашиваетъ Тіитіи Талангу, показывая на дымъ, что это такое? Отецъ говоритъ: „Огонь Мафуie“. — „Пойду и добуду огня“, сказалъ Тіитіи. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ отецъ, „не ходи, онъ разсердится. Или не знаешь? — Онъ людей єсть“. — „А мнѣ-то что?“ отвѣтилъ Тіитіи. Головой тряхнулъ, поеть себѣ подъ носъ пѣсенку и прямо къ большой печи идетъ, а изъ печи огонь и дымъ валитъ. — „Ты кто?“ говоритъ Мафуie. — „Я Тіитіи, сынъ Таланги. За огнемъ пришелъ“. — „Бери“, говоритъ Мафуie. Взяль Тіитіи угольковъ, подошелъ къ отцу, положили они одинъ къ одному большиe камни, развели огонь и стали сладкій картофель печь. А богъ Мафуie какъ дунетъ на ихъ печку, развалились всѣ камни и огонь потухъ. — „Вотъ видиши“, сказалъ Таланга, „не говориль-ли я тебѣ, что Мафуie разсердится?“ А Тіитіи пришелъ въ ярость на Мафуie. — „Ты зачѣмъ“, говоритъ, „разломалъ мою печку и огонь потушилъ?“ Гнѣвъ овладѣлъ Мафуie, бросился онъ на дерзкаго, схватились и борются. Только Тіитіи-то изловчился, хватъ Мафуie обѣими руками за правую руку, вывернуль

лониться" — есть безсознательное переживание какого-то древнейшего заговора къ Дождю, въ коемъ заклинающее, обвораживающее повторение имени Дождя убеждало и побуждало его идти или перестать. Потому же мы видимъ столь частое повторение припѣва въ пѣсняхъ. „Спи, усни, — бай, бай, бай!“.

О клятвенной силѣ имени, наименованія, хорошо говорить намъ древнее Сербское сказаніе. Захотѣлось одному крестьянину присвоить себѣ чужое поле. Закопалъ онъ своего мальчёнка-сына въ землю, сдѣлавъ такую нору, гдѣ бы онъ не задохся, а передъ этимъ научилъ его, что ему отвѣтить, когда будутъ спрашивать. Пришелъ судья, а съ нимъ тяжущіеся, на спорное поле. Судья спрашиваетъ настоящаго владѣльца: „Твоя земля?“ — „Моя земля“, отвѣтываетъ тотъ. Судья спрашиваетъ другого: „Чья земля?“ — А тотъ, кто неправдой задумалъ землю пріобрѣсти, отвѣтываетъ: „Сказать — моя — каждый можетъ. А я вотъ землю спрошу, пусть она намъ скажетъ. Черная земля, черная земля, чья ты, скажи?“ — „Твоя я, твоя!“, послышался изъ-подъ земли дѣтскій голосокъ. Настоящій хозяинъ услыхалъ, испугался и отступилъ, а судья присудилъ поле неправому. Судъ разошелся. Вернулся отецъ за сыномъ на поле, сталъ мотыкой землю копать, чтобы вытащить ребенка, а мальчёнка его нѣтъ. Зоветъ его, — ребенокъ откликается и бѣжитъ дальше. Такъ бѣжалъ и превратился въ крота. Съ той поры и возникъ на свѣтѣ первый кротъ. —

Человѣкъ прастарыхъ дней, видя все разнообразіе мира и существъ, его населяющихъ, бросаетъ духовныя тѣни своихъ размышеній на все, что онъ видитъ — и очеловѣчиваетъ и Небо, и Землю. Съ человѣкомъ первобытнымъ, какъ съ ребенкомъ и съ поэтомъ нашихъ

дней, говорятъ травки, звѣри, птицы, и рыбы, и деревья, и вѣтеръ, и Солнце, и Луна. Каждое существо, и каждая, сознаваемая имъ, сущность Природы становится какъ бы новымъ человѣкомъ, пришедшемъ изъ чужихъ краевъ, но все же похожимъ на меня, съ нимъ говорящаго. И какъ первобытный человѣкъ съ полюю убѣжденностю заколдовываетъ для опредѣленныхъ цѣлей своего сосѣда, такъ онъ заговариваетъ грозу и изъясняетъ повадку звѣрей и птицъ.

Я беру для примѣра Литовскую сказку изъ собрания Литовскихъ народныхъ сказокъ, приготовленного Ф. И. Шуравинымъ и долженствующаго вскорѣ быть напечатаннымъ въ Литвѣ.

ПОЧЕМУ ИВОЛГА ПРОСИТЬ ДОЖДЯ

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда послѣ всемирного потопа вся вода высохла и опять наступила долгая засуха, не только люди, а даже звѣри и птицы стали мучиться отъ жажды. Чтобы мучиться не надо было, всѣ звѣри и птицы вздумали копать глубокую яму, чтобы во время дождя она наполнилась водой и можно было бы оттуда напиться. Копали, работали, кто какъ умѣлъ. Только одна иволга не стала на работу, смѣялась и тянула свою обычную пѣсенку: „И-волга, и-волга! Я и такъ напьюсь, сколько только пожелаю. Хоть и долго, очень долго буду ждать, а работать все же не стану. И-волга, и-волга!“ Такъ, на свой разумокъ понадѣясь, и не работала. — Когда звѣри и птицы выкопали яму, пошелъ дождь и ее до верху залилъ. Потомъ опять пришла засуха. Звѣри и птицы пили воду изъ своей ямы и радовались на свою работу. Одна иволга, оставшись безъ капельки воды, мучилась отъ жажды. Не терпѣвъ, она подошла къ ямѣ, хотѣла хоть капельку

воды себѣ добыть, но звѣри и птицы напали на нее и прогнали прочь. И не только ее прочь прогнали, но, кромѣ того, рѣшили за ней слѣдить и не давать ей совсѣмъ пить воду съ земли изъ какой бы то ни было ямки. — Съ этого такъ и повелось: Иволга не можетъ пить съ земли и потому просить у Бога дождя: „И-волга, и-волга! Господи, Господи, пошли дождя!“ А когда дождь идетъ, она ловить въ воздухѣ его капли и только такимъ образомъ утоляетъ жажду. И Богъ жалѣеть иволгу и всегда слышитъ ея просьбу. Поэтому, когда иволга начинаетъ кричать, люди угадываютъ, что будетъ дождь. А звѣри и птицы все ее стерегутъ, какъ бы она не напилась воды съ земли.

Любопытно, что нашему слову „Иволга“ соотвѣтствуетъ, близкое къ нему, Литовское слово „Волунг“. Иволга — влажное слово. Иволга — птица небесной влаги, она всего охотнѣе поетъ передъ самымъ прішествіемъ дождя и тотчасъ послѣ дождя. Иволга радуется, когда съ неба къ намъ должна упасть небесная Волга. И какъ хорошо Литовская сказка подмѣтила нравъ иволги: Любой наблюдатель можетъ убѣдиться въ томъ, что говоритъ Литовская сказка и каждая книга, описывающая нравы птицъ, — „только изрѣдка спускается иволга на низкій кустарникъ, еще рѣже на землю“ (Брэмъ). Иволга — не только птица небесной Волги, но и птица воли: Въ неволѣ она теряетъ свою золотую окраску, свои солнечныя перья райской птицы.

Нашъ двойственный міръ, съ его жизнью и смертью, съ его свѣтомъ и тьмой, съ его радостью и страданиемъ, естественно рождаетъ въ умѣ первоначальномъ творческій благой ликъ Агурамазды-Ормузда и злой произвольный ликъ Анграмайни-Аrimана. День — золотой, звоногласый пѣтухъ, ночь — безгласная черная

курочка, сумерки — курочка рябая. Сколько обѣ этихъ существахъ у насъ сказокъ. Сѣдою древностью дышеть, полная простодушной прелести, — чисто-языческій сказъ, чуть-чуть тронутый христіанской окраской, — Болгарская сказка о Богѣ и Дьяволѣ.

СОТВОРЕНИЕ ДЬЯВОЛА

Ходилъ да похаживалъ дѣдъ Господь по горамъ и полянамъ. Радовался Онъ на все сердечно, неладно Ему только было оттого, что не было у Него друга-пріятеля, съ кѣмъ бы словомъ перекинуться и весело время провести. Разъ, какъ ходилъ Онъ такъ, быстро про-мельнула мимо Него тѣнь, и Онъ къ ней кликнулъ: „Постой-ка, друже!“ Тѣнь стала передъ Нимъ, какъ человѣкъ, но былъ то не человѣкъ, а Дьяволъ. Съ тѣхъ поръ подружился съ нимъ Господь, и сталъ Ему Дьяволъ пріятелемъ. Мило было Господу это пріятельство, и все Онъ думалъ, какъ бы Ему наградить Дьявола, чтѣму заблагоразсудится пожелать. Дьяволъ и попросилъ Его раздѣлить міръ пополамъ: — Земля, дескатъ, пусть будетъ моя, а небо Твоє. И людей, дескатъ, тоже раздѣлимъ: Ты бери себѣ живыхъ, а мнѣ отдай мертвыхъ. — „Пусть будетъ по твоему“, отвѣчалъ Господь. — „Ладно“, сказалъ Дьяволъ. — „Ты мнѣ только ужъ и запись дай, чтобы все дѣло было, значить, достовѣрно“. Написана была запись и дадена была Дьяволу. А какъ дѣдъ Адамъ изгнанъ былъ изъ рая, Богъ далъ ему землю, чтобы онъ свободно на ней работалъ, да тѣмъ и питался.

Влѣзъ однажды Дьяволъ на высокій камень, чтобы землю осмотрѣть. Видѣть — Адамъ и Ева, пашутъ они. Онъ съ камня слѣзъ, да какъ гаркнетъ имъ, что есть

мочи: „Какъ смѣете пахать эту землю, хозяина не спросившись?“ — „А мы съ его воли пашемъ“, отвѣтили тѣ. — „Хозяинъ я, а вы меня не спрашивали. Уходите отсюда, и чтобы коснуться никто земли не смѣль!“ Узналъ про это Богъ, и прискорбно Ему стало, пожалѣль Онъ, что даль Дьяволу запись. А какъ люди размножились, Дьяволъ вмѣстѣ съ грѣшниками и праведниковъ сталъ мучить. По такой причинѣ Богъ рѣшилъ отнять у Дьявола власть. Кликнулъ Онъ ангела, спрашивавшего его, можетъ-ли онъ отнять у Дьявола запись. Подумалъ-подумалъ ангель и говоритъ, что можетъ. И отошелъ ангель, и пришелъ къ Дьяволу, какъ бы нѣкоторый человѣкъ, и нанялся къ нему въ слуги на нѣсколько лѣтъ, а у самого одна только мысль, какъ бы запись отнять. Дьяволу-то онъ съ самаго начала полюбился, но, хоть во всемъ ему Дьяволъ открывался, а запись скрывалъ. Вотъ идутъ они разъ по берегу озера. Ангель его спрашиваетъ: „Можешь ли ты со дна озера достать мнѣ пригоршню песку? Ты вотъ и сильнѣе, и хитрѣе меня, да не можешь, а я могу“. — „Ну-ка, посмотримъ“, сказалъ Дьяволъ.

Ангель раздѣлся, въ воду прыгъ, да сей же часъ и надъ водою съ пескомъ въ рукѣ. Дьяволу не хочется быть его меньше. Раздѣлся, нырнуль въ воду, да пришло ему на умъ, что запись-то осталась тамъ за пазухой, вернулся онъ съ полдороги, посмотрѣль — нѣть, ничего, и опять нырнуль. А потомъ и опять вернулся, и опять нырнуль. Такъ до трехъ разъ. Какъ увѣрился, что у его пріятеля и мысли нѣть о записи, спустился онъ на самое дно. Спуститься-то Дьяволу было легко, а вотъ выплыть немножко потруднѣе, потому онъ, Дьяволъ-то, тяжель. Гдѣ жь ему съ легкостью ангела сравняться? И пока онъ тамъ былъ въ водѣ,

ангель запись хватъ и на небо полетѣлъ. Дьяволъ за нимъ, погнался, догнать догналъ, да только въ ту самую минуту, какъ ангель въ небо ужъ влѣзалъ. Сгребъ онъ его когтями за ногу, вырвалъ ему изъ ступни кусокъ мяса, а вернуть-то ангела все же не можетъ, ангель ужъ передъ Богомъ ходитъ. Вернулся Дьяволъ ни съ чѣмъ, власть у него отнялась, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ врагъ Богу. Какъ ангель съ записью къ Богу приступилъ, жалуется, Ему, — ногу ему Дьяволъ обезобразилъ. — „Ничего“, говоритъ дѣдъ Господь, „я такъ и у всѣхъ людей сдѣлаю, чтобы тебѣ не зазорно было“. Съ той самой поры у всѣхъ у насть ступня-то впалая.

Capbreton, Landes. Malgr  tout.
1929. 1 октября.

МНОГООЧИТАЯ МУДРОСТЬ

Тысячеглазая мудрость, многоочитая. Многолучистый
ея вѣнецъ, розсыпью звѣздныхъ словъ она играетъ,
изъ множества призакрытыхъ горницъ доходятъ тайные
свѣты, расцвѣтаютъ цвѣтами, разсыпаются осыпью дра-
гоцѣнныхъ камней, пѣсней звенятъ, преданьемъ слага-
ются, примѣтой прицѣпляются, повѣремъ сѣдымъ, словно
вьюгой, овѣваются, поговоркой мудрость улыбнется,
засмѣется пословицей. Но и хмуриться она умѣеть
пословицей и поговоркой. Индусская богиня мудрости,
Сарасвати, красавая богиня музыки, пляски и напѣв-
ныхъ словъ, стоитъ на лотосѣ, на цвѣткѣ мечты,
въ которомъ сердцевина — пламень, или же сидить
на павлинѣ, который, приподнявъ многоочитый свой
хвостъ, — въ немъ тысяча златосинихъ небесныхъ
глазъ, — даетъ ей красочное, означительное обрамленіе.

Изъ поговорокъ и пословицъ очень хороши Русскія.
Въ необыкновенно глубокомъ размысленіи, называю-
щемся „Въ чёмъ же наконецъ существо Русской поэзіи
и въ чёмъ ея особенность?“, Гоголь великолѣпно гово-
ритъ: „Еще ни въ комъ не отразилась вполнѣ та мно-
госторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая
заключена въ нашихъ многоочитихъ пословицахъ...“
Русская пословица изящно-умна и остра даже тогда,
когда она хочетъ быть увѣсисто-грубой, въ живопис-
ности своей хочетъ быть уничтожающей. — „Баба съ
печи летить, — семидесять семь думъ передумаетъ“. —
„Гдѣ чортъ не сладитъ, туда бабу пошлетъ“. —
„Мужикъ того не выносить мѣшкомъ, что баба растрясеть

рукавомъ“. — „Собака умнѣй бабы, — на хозяина не
лааетъ“. Все это не только остроумно, но остро и умно.
Повторены эти слова были много-много разъ, а свѣ-
жести своей не утратили. Такимъ образомъ выходитъ,
что они побѣдили очень грозную опасность, указанную
въ чеканномъ словѣ Пушкина: „Повторенное острое
слово становится глупостью“. Тутъ сказана мѣра цѣн-
ности, отдѣляющая острое слово, острословіе, отъ
дѣйствительной, не притупляющей остроты умнаго
определѣленія, которое, опредѣляя что-нибудь, сразу
видѣть свойства опредѣляемаго, сопоставлять ихъ со
схожимъ и, ухватывая быстрымъ, зоркимъ, ёмкимъ сло-
вомъ отсвѣты разныхъ предметовъ и сущностей, соеди-
няетъ все это въ одну живую сущность.

Та же Русская поговорка, умѣющая напастъ на
женщину, какъ тонко она умѣеть указать на высокое
достоинство женщины, въ крестьянствѣ работающей
больше, чѣмъ мужчина, и заботливостью своей скрѣпля-
ющей самые устои жизни: „Мужикъ не прядетъ, а
безъ рубашки не ходить, а баба и прядетъ, да не по
двѣ носить“.

Мнѣ нравятся такія Русскія пословицы и поговорки,
гдѣ видно глубокое чувство Природы. — „Спроси
громомъ, — отвѣтить ливнемъ“. — „Лѣсь — Божья
пазуха“. — „Ворона прямо летаетъ, да за море не
падаетъ, а касатка крюками, да за моремъ бываетъ“. —
„Весна — красная, а лѣто — отрадное“. — „Солнце —
князь земли, луна — княжна“. — „Цвѣты, что дѣти, —
уходѣ любять“.

Изъ такой поговорки, какъ эта послѣдняя, легко
сдѣлать сказку и много сказокъ. Чрезвычайно живо-
писна Литовская сказка „Мать и дѣти“, изображающая
безпутныхъ дѣтей, къ которымъ возвращается мать.
Привожу ее въ переводѣ ѡ. И. Шуравина.

МАТЬ И ДЕТИ

— А гдѣ же, ребята, тотъ каменъ, что тутъ подъ порогомъ лежалъ?

— Сгнилъ онъ, мамуся.

— Я говорила: бывало, все мокрый, да мокрый...
А гдѣ же, ребята, пѣтухъ тотъ рябой?

— Органистомъ, мамуся, онъ сталъ.

— Я говорила: бывало поеть да поеть. Какъ залетѣть на насѣстъ, горланить да горланитъ... А гдѣ же, ребята, тотъ сѣренкій котикъ?

— Пономаремъ сталъ.

— Говорила я: бывало, молится да молится. Какъ только положишь свѣчку, сейчасъ же онъ ее и съѣстъ...
А гдѣ же, ребята, теленочекъ пестрый?

— Извозчикомъ сталъ онъ, мамуся.

— Говорила я: все, бывало, бѣжитъ да бѣжитъ. Какъ только выйдетъ изъ хлѣва, такъ все бѣжитъ да бѣжитъ... А гдѣ же, ребята, колодецъ, что во дворѣ былъ?

— Сгорѣлъ онъ, мамуся.

— Я говорила: бывало, горить да горить. Какъ только солнце взойдетъ да засвѣтить, онъ загорится, горить да горить... —

Эта Литовская сказка — образецъ художественного малословія. Она въ точности разсказана въ соотвѣтствіи съ тѣмъ высокимъ правиломъ художественного творчества, которое требуетъ отъ художника, чтобы, когда онъ пишетъ, „словамъ было тѣсно, мыслямъ просторно”.

Многоочитая мудрость народной сказки всегда ясно сознаетъ закономѣрность мірозданія, закономѣрность временъ года, многообразія ликовъ природы. Но, начинная объ этомъ сказъ, полный глубины, народная мудрость

любить прикинуться простодушной. Яркой живописностью въ этомъ смыслѣ отличается Болгарская сказка о святомъ Петрѣ, — любимецъ разныхъ Христіанскихъ народовъ, — и бѣднякѣ. Привожу ее въ моемъ переводѣ.

СВЯТОЙ ПЕТРЪ И БѢДНЯКЪ

Былъ одинъ такой бѣднякъ — и голъ, и бось, и пить ему, и ъсть хочется, прямо дѣваться некуда. Разъ вечеромъ, когда возвращался онъ съ работы, а время-то было такое, что холодно было и грязно, а онъ шель босикомъ, скрутило его, какъ листъ осенний. Только вотъ навстрѣчу ему выходить не кто другой, какъ святой Петръ, — возвращался онъ къ себѣ домой.

— Добрый вечеръ, святой Петръ, сказалъ ему бѣднякъ. Что подѣлываешь? Каково живется, въ добромъ-ли здравіи? Каково на душѣ?

— Даётъ Богъ добро, христіанинъ, хорошо живется. Слава Богу. А вы какъ?

— Мы, слава Богу, въ добромъ здравіи, отвѣтилъ бѣднякъ. Только вотъ бѣднота напала; налегла она, видишь, каковъ я, — голъ, бось, въ грязи по колѣна, мокрымъ спать лягу, мокрымъ встану.

— Есть Господь, христіанинъ, есть Господь и для васъ, бѣдняковъ, сказалъ святой Петръ.

— Э, такъ ежели есть Господь и для насъ бѣдняковъ, какъ ты говоришь, святой Петръ, молю тебя отъ земли до неба, поди ты предъ Господа, да помоли его, чтобы погода была теплой, какъ лѣтомъ, и чтобы работали мы, бѣдняки, въ полѣ, хлѣбъ бы добывали для дѣтей, какъ это и даль Господь. Богатства мы не ищемъ, а вотъ чтобы погода стояла теплая, этого мы хотимъ. Помилосердствуй, святой Петръ, молимъ тебя, иди предъ Бога, да помоли его, чтобы сдѣлалъ онъ для насъ это доброе дѣло.

Говорить ему такъ бѣднякъ, а самъ все плачетъ и руки ему цѣлуетъ. Жалко святому Петру его стало, отошелъ онъ на одну высокую гору, паль тамъ на колѣни и началъ молиться Богу, чтобы дать онъ бѣднякамъ теплую погоду: было чтобы все время лѣто, а зимы чтобы не было никакъ. Молился онъ и молился три дня и три ночи, прежде чѣмъ Богъ обратилъ на него внимание: — „Петръ, Петръ, что ты такъ меня тѣснишь, чтобы благословилъ я время и чтобы оно перемѣнилось? Я могу это устроить, чтобы все время было лѣто. Хорошо, только такъ хуже будетъ для васъ. Подумай хорошенъко, чтобы не пришлось тебѣ опять идти ко мнѣ да утѣснить меня, переправь опять дескать, такъ, какъ все было. Потому и говорю тебѣ: подумай раньше хорошенъко, чтобы, вмѣсто добра бѣднякамъ, пущаго бы ты еще зла имъ не устроилъ. — „Истино, Господи, правъ ты“, отвѣтилъ святой Петръ. „Хорошо, но прошу тебя, окажи имъ это добро, потому какъ обѣщался я бѣдняку, что похлопочу обѣ этомъ дѣлѣ. Молю тебя, соверши это, чтобы не подумалъ бѣднякъ, что ты меня не слушаешь и что не доходитъ мое слово до тебя“. — „Э, вотъ ты какъ меня тѣснишь, Петръ. Надо, значитъ, тебя слушаться и по волѣ твоей дѣлать. Ну, помни, ежели выйдетъ что хуже, самая-то что ни на есть большая мука на тебя придетъ и твоего, можетъ, дома коснется. Айда, иди себѣ теперь по добру, по здорову.“ И благословилъ онъ время, чтобы все было лѣто, и чудо, и красота. И время въ сей же часъ перемѣнилось: было студено, такъ вотъ такъ стало тепло.

Со дня на день все теплѣло да теплѣло больше да больше, и настало — наступило настоящее лѣто. Какъ увидѣли бѣдняки, что время обернулось на лѣто, великою зарадовались радостью, и молятся, простоволосые,

Господу, чтобы послалъ онъ жизни и здоровья святому Петру за то, что онъ вымолилъ, чтобы все время было лѣто. И святой Петръ очень радовался, какъ услышалъ, что молятся за него бѣдняки Богу и благодарятъ Господа.

Нѣсколько лѣть подрядъ такъ все и было одно лѣто, жили бѣдняки, поживали и все говорили: „ — Это вотъ время, погода, это, прямо, какъ товаръ къ тебѣ идетъ, такъ-то вотъ хорошо бы чтобы было съ самого сотворенія міра, — такъ-то бы и муки никакой бѣднякамъ никогда не было раныше.“ Радовались бѣдняки, радовались и богачи еще больше; были плодородны и нивы, и луга, и виноградники. Радовались не только люди, но и животные на эту красоту, что пришла отъ теплой погоды. Множились они, а то, что рождалось, не умирало. Змѣи, драконы, ящеры, ящерки, лягушки, раки, волки, и всякие медвѣди, лисицы, животныя иныя. А мухъ, осъ и комаровъ столько наплодилось, какъ пыли и сорной травы. Каждый человѣкъ держалъ во рукѣ опахало изъ конского хвоста, дабы обороняться отъ этихъ животинъ, а по ночамъ житъя не стало отъ клоповъ. Ни людямъ жизнь не въ жизнь стала отъ этихъ животинъ, ни скоту. И сколько на землѣ камней, столько размножилось тогда лягушекъ. И вышло такъ, какъ говорили по старинѣ: За рогами потянемъся, уши загубишь.

Росли, росли лягушки, и стали онѣ всѣ съ гусей, а лягушечій царь, одинъ такой лягвій, онъ выросъ прямо въ домъ. Одни глазищи-то его прямо какъ печи. Кто на него глянетъ, триста его страховъ сразу ухватятъ, увидишъ, такъ ужъ не забудешь. Испугались люди, страхъ ихъ взялъ, набросились они на лягушекъ съ дрекольемъ, дворы стали чистить. Да что въ томъ толку? Пока одну убиваютъ, цѣлый часъ ее тискаютъ, а отъ крика убива-

емыхъ всѣ лягушки собирались и такой крикъ до неба поднимали, такъ орали во все горло, что триста отъ нихъ страховъ нападало. Приготовили себѣ люди бѣду, и нѣтъ у ней конца-края. „— Вотъ что,” начали они поговаривать, „айда, пойдемъ къ святому Петру, помолимся ему, чтобы пошелъ онъ къ Богу, да помолиль его, пусть уберетъ онъ этихъ животинъ, что никому покою не даютъ, ни жить съ ними, ни работать.“

Много разъ ходили они къ святому Петру и молили его, да боится святой Петръ идти къ Богу и просить его. Но пришло время, дошла и на его голову бѣда. Разъ утромъ дочь его встала пораньше, чтобы выгнать лягушекъ со двора, а случилось такъ, что въ ту пору проходилъ мимо воротъ святого Петра самъ лягвій. Увидѣлъ онъ дочь святого Петра „— Ты“, говоритъ, „что тутъ, красавица, на лягушекъ съ лопатой?“ — „А чего же ихъ лопатой не выгребать? Имъ тутъ во дворѣ постель не приготовлена. Не видишь, что-ли, какъ онѣ опоганили весь дворъ, словно овцы“. — „Ага, ежели ты вотъ какая, подожди, увидишь, кому отвѣчаешь“, сказалъ лягвій дѣвушкѣ и прошелъ. А вечеромъ отправилъ лягвій сватовъ ко святому Петру, чтобы высватали ему дочь святого Петра въ невѣсты. Какъ услышали слова сватовъ святой Петръ и жена его, волосы у нихъ отъ страха встали дыбомъ. „— Вы вотъ что, братцы, поговорите съ лягвіемъ, да отговорите его, чтобы не бралъ онъ мою дочь себѣ въ жены, потому какъ одна она у отца и матери,“ сказалъ святой Петръ. „— Пусть въ другомъ мѣстѣ возьметъ, гдѣ дѣвушекъ побольше. Поклонитесь ему и скажите, что прошу, моль, его не сердиться“. — „И я“, сказала жена его, „очень его прошу, да не посягаетъ на мою дочь, да не пугаетъ ее, она у

меня дитѣ холеное, на меду да на сахарѣ вскормленное. Вотъ вамъ дарь, отнесите его лягвію. Счастливой вамъ дороги и доброго отъ насъ здравія лягвію.“ Взяли сваты дарь, потащились къ лягвію, все ему сказываютъ, что святой Петръ и жёна его говорили. — „Видывали,“ сказалъ лягвій, „этимъ своимъ даромъ они меня не проведутъ. Или ихъ дочь я возьму себѣ въ жены, или ей смерть.“ Тутъ же безотложно снарядилъ все для свадьбы и послалъ сватовъ гостей звать. Позвали они змѣй, драконовъ, ящеровъ, ящерокъ, лягушекъ, лягвіевъ и всякихъ другихъ животинъ. Собрались они всѣ у царя лягвія. Загремѣли въ барабаны, шумъ пошелъ по лягушечнымъ дворамъ, разыгрались сваты и свадебные гости, громъ повсюду и трескъ. Шелъ лягвій къ святому Петру извѣстіе, пусть-де готовить невѣstu, придется ее взять. Какъ получиль святой Петръ это извѣстіе, расплакался онъ и ну рвать на себѣ бороду, а жена его — косы. И рѣшилъ святой Петръ идти передъ Бога, молить его. Съ мѣста, значитъ, въ путь, достигъ до горы, палъ на колѣни и, сколько только есть у него голоса, къ Богу взываетъ: — „Господи Боже мой, избавь меня отъ лягвія, а то дочь онъ мою возьметъ.“ — „Вотъ оно, видишь святой Петръ, говорильни я, что станетъ хуже, коли перемѣню время и все время станетъ лѣто?“ — „Согрѣшилъ, Господи, прости меня,“ воскликнулъ святой Петръ. — „Грѣхъ совершилъ я, а ты не вмѣни его.“ — „Айда, возвращайся благополучно, святой Петръ,“ сказалъ ему Господь, — „Не заботься ни о чёмъ, избавлю я твою дочь.“

Вернулся святой Петръ къ себѣ, и что же видить? Окружили его домъ лягушки, змѣи, драконы. Взялъ лягвій его дочь, усадилъ ее на повозку, а въ упряжкѣ волъ смотрить на вола-тезку. Змѣями волы заузданы.

И поѣхалъ. Но, какъ было тогда тепло, такъ⁷ стало сту́дено, съ Сѣвера повѣялъ сильный вѣтеръ, замерзла земля на девять пядей глубины. Все живое замерзло. Лопнуль и лягвій. Все отъ холода въ каменъ превратилось. Измѣнилось время, и вернулась дочь святого Петра къ себѣ домой.

Буска. 1929. Святки.

НЕДОГОВОРЕННОЕ

Есть два полюса художественной красоты: Сказанное - высказанное и Недоговоренное. Одинъ полюсъ — „Иліада“ Гомера, „Гамлетъ“ Шекспира, „Донъ Кихотъ“ Сервантеса, „Война и Миръ“ Толстого. Другой полюсъ — „Сакунтала“ Калидасы, „Жизнь есть сонъ“ Кальдерона, „Лигейя“ Эдгара По, „Пѣснь торжествующей любви“ Тургенева.

Въ „Иліадѣ“ все такъ четко сказано и высказано, что эта поэма болѣе ярко рисуетъ намъ древнюю Элладу, чѣмъ то могли бы сдѣлать десять объемистыхъ научныхъ трудовъ. Мы смотримъ на щить витязя, а тонкой работой тотъ щить превращенъ въ живописующій кругъ множества жизней и зрѣлицъ. Такъ и „Донъ Кихотъ“ будетъ жить вѣка, рисуя намъ старую Испанию и образъ неукротимаго цѣльного стремленія. Но мнѣ кажется, что въ незабываемомъ „Гамлетѣ“ не только сказано и высказано все, что хотѣлъ сказать самый Англійскій изъ Англійскихъ писателей, но и сказано много болѣе того, что говорить надо, и, прочитавъ его разъ, конечно, захочешь прочитать его еще другой разъ, но отъ третьяго раза, пожалуй, воздержишься. Этотъ упрекъ примѣнимъ и къ великолѣпному роману „Война и Миръ“. Но въ цѣломъ этотъ романъ, кромѣ его философемы, есть совершенство.

Поэтическія созданія, основанныя на чарѣ недоговоренного, мнѣ болѣе любы уже по одному тому, что они насыщаютъ мою душу, не пресыщая ея, и вѣчно

манять возвращаться къ нимъ еще и еще. Ихъ недоговоренность не есть недосказанность. О, Кальдеронъ или Калидаса, Тургеневъ или Эдгаръ По умѣютъ сказать, что хотятъ сказать, не только равноцѣнно съ четкой рѣчью Гомера или Толстого, Шекспира или Сервантеса, но они умѣютъ сказать также и то, чего выразить этимъ послѣднимъ не было дано. „Сакунтала“ и „Жизнь есть сонъ“, оставляя многое въ сказанномъ недоговореннымъ, будятъ въ душѣ читателя творческій потокъ домысловъ и мечты. И потому „Жизнь есть сонъ“ можно, и хочется, читать не два и не три раза, а много больше. И творчество Эдгара По навсегда останется свѣжимъ и загадочнымъ, какъ „Пѣснь торжествующей любви“ Тургенева всегда будетъ колдовать и походить на музыку.

Вотъ именно съ музыкой и съ живописью можно сравнивать художественные произведения двухъ противоположныхъ полюсовъ. Что сказано-высказано, сродно съ живописью. Что сказано-недоговорено, сродно съ музыкой. Живопись показываетъ все такъ четко, что, кто не слѣпъ и не подслѣповатъ своей душой, тотъ видитъ все. Въ этомъ богатство, но ограниченное точной предѣльностью. Музыка, являя свою звучную, звонную, полноволновую и тайнозвучную красоту, говорить все, что хочетъ сказать, и, внушая, говорить еще много. Душа остается свободной, а не поработленной и не окованной въ точныхъ предѣлахъ. Это богатство — безкрайний размахъ безбрежности.

Всѣ формулы, въ любомъ разсужденіи, условны. Условна и моя формула. Я вовсе не принадлежу къ людямъ, полагающимъ, что нѣть Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его. Знаю, что живопись можетъ быть такъ же таинственна и полна недоговоренного,

какъ музыка. Но все же, беря формулы лишь какъ вѣхи и не усматривая въ нихъ скрижали, я на своей формулѣ настаиваю.

Изучая народное творчество Славянъ и Литвы, я натолкнулся на нѣсколько образцовъ художественной красоты, основанной на недоговоренномъ, совершенно поразительныхъ. Приведу нѣсколько изъ нихъ. Вотъ одна Болгарская народная сказка.

ОБОРЫШЪ И ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

Былъ въ свое время нѣкій царь, а у этого царя дочь. Отецъ покупалъ ей утромъ и вечеромъ новыя туфельки, а она все рвала и снашивала. Тотъ все дивился и ломалъ себѣ голову, что съ ней дѣлать и какъ разузнать, почему она снашиваетъ столько туфельекъ. Пришло ему въ голову, что дочь его въ ночное время ходить куда-то, и размышлялъ онъ, какъ бы ее выслѣдить. Для этого разгласилъ онъ по своему царству, что, кто возьмется открыть, куда ходить въ ночное время царская дочь, царь отдастъ ее ему въ жены, но, кто, взявшись, не сможетъ ее устеречь, онъ съ него сниметъ голову. Нѣсколько юношей вызвались искать и выслѣдить, никто изъ нихъ не могъ ничего найти. Они еще съ вечера сидѣли передъ воротами и ждали до нѣкотораго времени, пока не налегалъ на нихъ сонъ, они засыпали, а на утро нечего имъ было сказать царю. И тотъ снималъ съ нихъ голову. До двадцати девяти душъ такъ за ней все слѣдили, а все же ничего не могли выслѣдить, куда она ходить и что она дѣлаетъ, чтобы туфельки снашивались.

А ее любилъ одинъ змѣй. Онъ приходилъ къ ней вслѣдъ за полночью, когда стерегущіе засыпали, свѣтилъ въ дверь комнаты, стучалъ, и дѣвушка отворяла

ему, тогда онъ ее бралъ, уводилъ къ себѣ домой, игралъ съ ней до нѣкотораго времени, а послѣ снова отводилъ во дворецъ, оставлялъ ее тамъ и уходилъ. — Послѣ того какъ было казнено такъ двадцать девять душъ, пришелъ, наконецъ, одинъ голышъ-оборышъ, предсталъ передъ царемъ и говорить ему: — „Царь пречестный, что ты мнѣ дашь, ежели выслѣжу и уловлю твою dochь, куда она ходить ночью и что дѣлаетъ, что снашивается туфельки?“ Царь ему говорить: — „Будешь ты мнѣ зятемъ и дамъ тебѣ половину царства. Но, если не уловишь ее, сниму съ тебя голову, какъ то сдѣлалъ съ другими выслѣживателями“. — „Хорошо“, сказалъ оборышъ, „такъ да будетъ“, и приготовился. — Вечеромъ онъ не поступилъ такъ, какъ дѣлали другіе, а взялъ да еще спозаранку снарядился, обулся въ лапти, одѣлся въ дорожную одежду, легъ, заснулъ и захрапѣлъ передъ дверью комнаты царской dochери, чтобы быть ему бодрственнымъ, когда настанетъ полночь. Царская dochь, какъ увидѣла, что онъ спить перѣдъ воротами, предъ дверью, засмѣялась надъ нимъ и сказала: — „Эхъ, оборышъ, и ты меня будешь выслѣживать! Ты ужъ и отъ сего часа заснуль, захрапѣлъ. Ужъ насколько, насколько хитрѣе тебя юноши меня выслѣживали и загубили свои головы, а сегодня ты меня выслѣдишь!“ Оборышъ-то еще не очень крѣпко заснуль, услышалъ и говоритъ себѣ: — „Ну, ладно, увидимъ, смогу-ли, не смогу-ли тебя выслѣдить“. — Царская dochь легла и заснула, заснула, заснула, заснула передъ дверью. Среди ночи дошелъ къ двери змѣй, постучалъ, царская dochь встала и отворила ему. Когда онъ вошелъ къ ней, комната ея освѣтилась и засияла, словно солнце. Оборышъ почувствовалъ, проснулся и смолчаль. Змѣй говоритъ: — „Идемъ въ дорогу, доходитъ время“. Цар-

ская dochь встала съ постели, облеклась въ красивыя одежды, въ новыя туфельки обулась, и пошли они въ путь къ дому змѣя. Когда они вышли и прошли мимо оборыша, тотъ всталъ и пошелъ вслѣдъ за ними, но слѣдоваль издалека. Змѣй и царская dochь, какъ вышли изъ дворцовой ея горницы, шли сколько шли, а потомъ взяли да и стали играть золотымъ букетомъ, который змѣй вынуль изъ-за пазухи, а вынувъ, бросалъ въ царскую dochь. То онъ въ нее бросить, то она ему вернетъ, и дошли такъ до большого дерева. Оборышъ — къ дереву, изловчился да и спрятался за нимъ. Когда они такъ перебрасывались букетомъ, онъ вдругъ покатился, оборышъ его схватилъ, спряталъ, а самъ къ дереву такъ прильпился, что его и невидно. Царская dochь и змѣй ищутъ букетъ и говорятъ другъ съ другомъ: — „Я къ тебѣ бросиль букетъ, не прячь его, не играй мною, не обманывай!“ — „Я не видѣла, когда ты его бросиль“, отвѣчаетъ царская dochь змѣю, „должно быть, онъ у тебя, смотри, у меня нѣть!“ Наконецъ, змѣй сказалъ: — „Если такъ, айда, идемъ въ путь“. И они пошли. Когда они немножко отошли, оборышъ постучалъ по дереву и отщепилъ отъ него насколько лучинокъ, чтобы имѣть знакъ отъ него и отнести этотъ знакъ ея отцу. Царская dochь услышала стукъ и говоритъ змѣю: — „Кто это стучить сейчасъ въ дерево, въ такое время?“ — „Не бойся“, сказалъ тотъ, „нѣть никого, это тебѣ показалось. Идемъ, идемъ по своему дѣлу, и не бойся: Развѣ я не съ тобой?“ И они пошли дальше. Шли, шли, дошли до одного моста поверхъ рѣки и перешли его. Оборышъ слѣзъ подъ мостъ и сталъ стучать да выламывать изъ него какой-нибудь камушекъ для знака. Царская dochь обернулась назадъ и говоритъ: — „Что такое? Гдѣ это

стучать? Нѣтъ-ли кого, кто слѣдить за нами?" — "Нѣтъ ничего", — отвѣтилъ змѣй. "Никто не стучитъ. Развѣ я не съ тобой, что страшишься? Не бойся". И тронулись дальше. Шли они, шли и дошли до большой и глубокой рѣки, надъ которой не было моста. Змѣй схватилъ царскую дочь за спину, метнулъ ее къ себѣ на плечо и въ единый мигъ минулъ рѣку съ нею, и были они на другомъ берегу. Оборышъ ихъ видѣлъ время отъ времени, когда змѣй засвѣчался на пути. Когда же дошелъ онъ самъ до рѣки, увидаль онъ, что она очень широка и глубока и что не можетъ онъ пересѣчь ея. Поискалъ онъ вдоль по берегу моста, и тутъ, и тамъ, не можетъ найти. Наконецъ, какъ ужъ долго блуждалъ онъ по побережью, отыскивая моста, видитъ онъ — бранятся двѣ души изъ-за мѣдной сковородки, изъ-за большой глубокой шапки и изъ-за серебряной палочки. Это были преображеные дьяволы. Оборышъ подошелъ къ нимъ и спрашиваетъ: — "Эй, люди добрые, что бранитесь? Развѣ не братья вы?" — "Изъ-за того мы бранимся", отвѣтили тѣ, "что не можемъ раздѣлиться и нѣть никого, кто бы насъ раздѣлилъ". Одинъ изъ нихъ говорилъ, что достались ему эти вещи отъ отца, а другой не отдавалъ. Отъ дѣда, говоритъ, они мнѣ достались, и не отступлюсь. Тутъ оборышъ ихъ спрашиваетъ: — "Да собственно почему вы тутъ не можете раздѣлиться промежу себя? Что вы съ этимъ тутъ дѣлаете?" — "А еще бы!", сказалъ другой дьяволъ. "Можемъ рѣку минутъ, какъ по суху". А оборышу только того и нужно, онъ и спрашиваетъ: — "Это какъ же?" — "Видишь ли эту сковородку?", сказалъ другой дьяволъ. "Какъ сядеть въ нее человѣкъ, да какъ ударить по ней этой серебряной палочкой, въ сей же часъ, какъ на лодкѣ,

какую хочешь воду переплыть. А ежели у него на головѣ эта шапка, такъ человѣкъ сразу невидимъ". Очень порадовался оборышъ на эту всрѣчу и придумалъ онъ симъ случаемъ воспользоваться. — "Дайтѣ-ка", говоритъ, "вы эти вещи мнѣ, а я васъ раздѣлю по справедливости". И тѣ ему ихъ дали. Сѣлъ оборошъ на сковородку, надѣлъ на голову шапку-невидимку, ударилъ сковородку серебряной палочкой и въ сей же часъ, невидимъ, минулъ рѣку, какъ по суху. Вещи эти онъ приберегъ на случай, когда придется нужда.

Въ это время змѣй и царская дочь довольно далеко отъ него отдалились. Только по свѣченію змѣя тутъ и тамъ на пути, едва-едва смогъ онъ найти ихъ и нагнать. Какъ шли они да говорили такъ, дошли они, наконецъ, до змѣева дома, вошли въ него, сѣли и отдыхаютъ. Дойдя до дому, оборышъ замѣтилъ, что дверь была немного прюткрыта. Надѣлъ онъ свою шапку-невидимку, сталъ невидимъ, вошелъ въ домъ и притаился за дверью. Посидѣли, посидѣли они, змѣй вынулъ изъ-за пояса золотое яблоко, подбросилъ его къ царской дочери и стали они играть. Бросались они яблокомъ, играли, вдругъ змѣй покатилъ его къ царской дочери, выскользнуло оно у нея изъ рукъ и откатилось къ двери. Какъ дошло оно до оборыша, онъ нагнулся, взялъ его и спряталъ въ карманъ. Онѣмѣли отъ изумленія и змѣй, и царская дочь, искали, искали яблоко, напрасно, — нѣтъ его. Начали они препираться и говорить одинъ другому: — "Брось яблоко-то. Чего его скрываешь? Оно у тебя". — "Я его бросилъ къ тебѣ", сказалъ змѣй, "посмотри, не запряталось-ли оно гдѣ-нибудь на твоей сторонѣ". Царская дочь посмотрѣла вокругъ и сказала: — "Нѣтъ его при мнѣ, посмотри, нѣтъ ли

при тебѣ". Змѣй сказалъ, что при немъ нѣть. Стали они дивиться оба: Что жесталось съ яблокомъ? Ищутъ, ищутъ, не могутъ найти. Тогда царская дочь сказала змѣю: — „Айда, веди домой, время наступаетъ: Скоро запоють пѣтухи". Змѣй сказалъ: — „Если такъ, поведу тебя. Айда, вставай!" — Двинулись они въ обратный путь. Тронулся за ними и оборышъ. Дошли до великой рѣки, миновали ее, оборышъ миновалъ ее на сковородкѣ. Достигли и первой рѣки съ мостомъ, миули его и приблизились къ великому дереву. Тутъ оборышъ ускорилъ шагъ и бросиль ихъ, чтобы прийти впередъ ихъ, лечь у воротъ и притвориться, что спитъ, чтобы они не узнали, что онъ ходилъ съ ними и глядѣлъ, куда они ходили и что они дѣлали. Едва онъ успѣлъ улечься, чуть-чуть мало времени прошло, и тѣ дошли, увидѣли оборыша, что лежитъ онъ и спитъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, гдѣ, уходя, его оставили, и вошли въ комнату царской дочери. Комната засвѣтилась отъ прихода змѣя. А вскорѣ послѣ онъ простился съ нею, оставилъ ее спать, а самъ ушелъ назадъ, откуда приходилъ.

Утромъ, когда всѣ встали, царь опять посмотрѣлъ на туфельки своей дочери и увидѣлъ, что они сношены. — „Дочь", спросилъ онъ ее, „куда ты ходила этой ночью, что туфельки у тебя опять сношены?" — „Никуда не ходила, отецъ", отвѣчала она. — „Хорошо", сказалъ онъ, „позову я сейчасъ оборыша, пусть онъ скажетъ мнѣ все, что видѣлъ и куда ты ходила". — „Позови его", сказала она, „спроси, и увидимъ, что онъ выслѣдилъ и что узналь". Тогда царь позвалъ оборыша и спросилъ его: — „Ну, оборышъ, выслѣдилъ-ли дочь мою, куда она ходила нынче ночью, что дѣлала и какъ сносила туфельки?" — „Выслѣдилъ, царь", отвѣчалъ оборышъ. Царская дочь, какъ его услышала и гово-

рить: — „Какъ выслѣдилъ? Что путаешь, оборышъ? Говори, увидимъ, что ты выслѣдилъ". Оборышъ отвѣтилъ: — „Сказать я скажу, и увидишь". Говоритъ ему царь: — „Говори, и да увидимъ теперь, что выслѣдилъ и что ты увидаль". И началъ оборышъ рассказывать, какъ онъ вчера вечеромъ спозаранку улегся спать, выспался, а посреди ночи былъ совсѣмъ бодрственнымъ. Какъ пришелъ змѣй въ комнату къ царской дочери, поднялъ ее, и какъ пошли они къ змѣю въ домъ. Все рассказалъ, какъ было, съ острія иглы до самаго ея конца. А какъ дошло слово до букета, онъ вынуль его изъ-за пояса и показалъ царю. — „Не тотъ-ли?" спросилъ оборышъ царскую дочь. И какъ дошелъ до яблока, вынуль его изъ-за пояса и показалъ царю. И какъ все договорилъ до конца, повернулся онъ къ царской дочери и спросилъ: — „Не такъ-ли все было, какъ я рассказалъ?" Очень застыдилась царская дочь и призналась отцу, что все воистину было такъ. Тогда царь выдалъ ее замужъ за оборыша, сдѣлалъ его своимъ зятемъ, даль ему половину своего царства, да живеть онъ и царствуетъ вмѣстѣ съ нимъ. —

До странности удивительно, сколько въ этой народной сказкѣ тонкаго символического содержанія. Не берусь изъяснять его. Музыку сна, пляску вѣщей мечты, изъяснять и не должно, можно лишь зачерпнуть пригоршню, пронизанной золотымъ свѣтомъ Солнца, живой воды лѣсного ключа. Свѣтоносный змѣй волшебенъ, какъ волшебствуетъ въ любви своей каждый любящій. Но и другіе хотѣли достичь царевны, досягнуть избранницы. Самые избранные юноши ее искали, но, какъ у немудрыхъ дѣвъ, не было у нихъ бодрствованія въ надлежащее время. Хорошо, что ихъ было 29. Вѣдь это — время обращенія Луны вокругъ Земли.

И Луна, и Солнце ворожатъ въ этой сказкѣ. Но самый послѣдній оборышъ — онъ былъ какъ мудрая дѣва Евангелия, и его свѣтильникъ былъ въ надлежащемъ порядкѣ. А змѣй, хоть и волшебный, былъ слѣпъ. Онъ былъ какъ тѣ, что, въ чрезмѣрной увѣренности своего мужскаго завоевательнаго сердца, не видятъ, въ должный мигъ вѣчной игры двухъ сердецъ, что впуталась тутъ еще чья-то чара, что золотой букетъ потерялся, что золотое яблоко укатилось. И змѣй потерялъ свою любимую. Эта Болгарская сказка такъ же богата недоговоренными своими намеками, какъ сродныя съ ней солнечноогненные сказки объ избранникахъ — прокаженныхъ, язвенникахъ, священныя сказки Мексики и Перу. (См. мои книги „Змѣйные цвѣты“ изд. „Скор-піонъ“, Москва, 1910, и „Зовы Древности“, изд. „Слово“, Берлинъ, 1923).

Все это кружево, просвѣщающее золотыми сіяніями, есть вѣчная сказка о двухъ сердцахъ, женскомъ и мужскомъ, дѣвическомъ и юношескомъ. Весна — расцвѣтъ и раскрытие тайнъ. Въ этой сказкѣ есть что-то изъ вѣчной нашей человѣческой весны. И плѣнительно-изъ недоговоренно поетъ та же пѣсня-перекличка двухъ сердецъ въ Литовской народной дайнѣ, гдѣ сказъ звучить отъ лица дѣвушки.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛѢСЪ

Зеленый, зеленый,
Зеленый ты лѣсь,
И темная башня
Въ зеленомъ лѣсу.
Ой, темная башня
Въ зеленомъ лѣсу,
И молодецъ юный
Въ той башнѣ сидѣтъ.

Не знаетъ зими онъ,
Холодной зими,
Ни зимнихъ морозовъ,
Ни теплой весны.
Не знаетъ съ зарею,
Какъ свѣтить заря,
Не знаетъ, какъ солнце
Восходитъ съ зарей.
Ахъ, брошу заброшу,
Златое кольцо,
Кольцомъ разобью я
Въ той башнѣ окно.
Въ той башнѣ окно я
Кольцомъ разобью,
Чтобъ зналъ онъ, какъ свѣтить
Поутру заря.
Чтобъ зналъ онъ, да вѣдалъ,
Какъ свѣтить заря,
Чтобъ зналъ онъ, какъ солнце
Восходить съ зарей.
Я снѣга пригоршню
Заброшу въ окно,
Чтобъ зналъ онъ, какъ стынетъ
Подъ снѣгомъ зима.
Пучокъ майорана
Я брошу въ окно,
Чтобъ зналъ онъ, какъ дышетъ
Цвѣтами весна.

Овладѣвая тайной двухъ сердецъ, Литовская пѣсня, выпѣвавая наше сердце, близится къ танцу, какъ близки къ танцу двѣ бабочки, выющіяся въ погонѣ одна за другой въ разогрѣтомъ весеннемъ воздухѣ, — какъ близки къ пляску двѣ расцвѣтшія вѣтви двухъ весеннихъ черемухъ, качающихся въ вѣтрѣ. Болгарская пѣсня, какъ бы откликаясь пѣснѣ Литовской, совсѣмъ превращается въ пляску, такую зажигающую, что, слыша

эту пѣсню, чувствуешь сладостную истому въ плечахъ,
и въ ногахъ, и во всемъ тѣлѣ: Хочется пляски —
быть въ пляскѣ.

ВЪ ХОРОВОДЪ

Какъ ты будешь въ хороводѣ,
Ты не жмись ко мнѣ, не липни,
Будь со мной какъ разъ напротивъ, —
Скокомъ дѣвушки заскачутъ,
Очи вверхъ, ко мнѣ взгляни ты,
Парни топотомъ притопнутъ,
Вѣжды ницъ и подмигни мнѣ,
Чтобъ сосѣди и не знали,
Что съ тобой мы любимъ, любимъ.

Капбретонъ. 1930. 24 марта.

САМЫЯ МАЛЕНЬКІЯ СКАЗКИ

Толпа любить все самое большое. Себя, толпу. Народная гулянья. Драку, стѣнку на стѣнку. Примѣрные бои. Настоящую войну, гдѣ народъ обрушивается на народъ. А изъ звѣрей и птицъ любимины наиболѣе крупнѣйши. Слонъ, бегемотъ, носорогъ, левъ, тигръ, медвѣдь, орель, страусъ, превратившійся даже въ птицу стратима, который отъ моря до моря владѣетъ землей, раскрывая крылья.

И дѣти любятъ длинныя сказки, чтобъ побольше всего да посложнѣе было. „Бабушка, а что дальше?“ — „Няня, расскажи еще!“ Арабскія сказки называются 1001 ночь. Индусскія сказки, если ихъ написать на голубыхъ знаменахъ, завоюютъ всю землю и обратятъ землю въ небо.

Мнѣ нравятся и великия пространства, — воздухъ, степь, Сибирскій лѣсъ, Океанъ, — и большія, сильныя животныя и звѣри, — быкъ, бегемотъ, верблюдъ, слонъ и тигръ, — и длиннокрылые, могучія птицы — кондоръ, орель, альбатросъ, фрегатъ. Но мнѣ очень нравятся также самыя маленькія птички, какъ Мексиканская колибри и Русская птичка мельничекъ, и самыя маленькія въ Природѣ существа, — быстрая, пляшущая на прудкахъ вертлячка, молитвенные, солнечные хороводники толкачики, прилежные, живые муравьи, и даже тли, которыхъ они доятъ, совсѣмъ какъ первая доительница, дочь первой Арійской семьи, гдѣ-нибудь около голубыхъ Гималайскихъ горъ.

И изъ словесныхъ созданій очень бывають хороши кратчайшія, совсѣмъ немногословныя. Діогеновское къ Александру Великому: „Посторонись отъ Солнца“. Гераклитовское: „Идя къ предѣламъ души, не отыщешь ихъ — и весь пройдя путь“. Гераклитовское же: „Рулевой всего — Молнія“. Архимеда: „Дай гдѣ стать, — переверну міръ“.

Къ такому же немногословному, но многомудрому разряду малыхъ словесныхъ созданій относятся и нѣкоторыя сказки-присказки разныхъ народовъ. Вотъ малый букетикъ, совсѣмъ малая, но вольнымъ свѣжимъ воздухомъ дышащая, связка самыхъ маленькихъ сказокъ. Литовскія переведены на Русскій языкъ трудолюбивымъ изучателемъ Литовскихъ и Русскихъ сказокъ Фед. Ив. Шуравинымъ, а мною лишь просмотрѣны и сравнены съ Литовскимъ подлинникомъ. Болгарскія переведены мною.

ВОРОБЬИ Съ Литовскаго.

Старый воробей, сидя на гнѣздѣ, училъ своего сына, какъ отъ всякихъ опасностей уберечься, какъ отъ злого человѣка устеречься.

Говорить старикъ: „Если увидишь какого-нибудь мальчишку, который тебя запримѣтилъ и ужъ нагибается къ землѣ, такъ знай, что мальчишка, схвативъ камень, можетъ кинуть и попасть въ тебя“.

— „Хорошо, тятѧ“ — говорить воробушекъ, — но что дѣлать, если онъ приходитъ, уже заблаговременно наложивъ полные карманы камней?“

— „Э, да ты хитрѣе меня“, — зачирикалъ старый воробей — „отправляйся-ка летать по свѣту“.

И толкнуль сынка изъ гнѣзда, да такъ, что тотъ кубаремъ покатился.

ВОТЬ ТАКЪ МОЛОДЦЫ Съ Литовскаго.

Слетѣлись какъ-то воробы, чирикаютъ, да сами себя похваливаютъ: „Мы — молодцы! Мы — молодцы!“ А какъ увидѣли, что котикъ къ нимъ подкрадывается, такъ и испугались: „Эй, молодцы, прячьтесь-ка въ кусты!“

И никого изъ молодцовъ и видомъ не видать.

БОГЪ И ТАБАКЪ Съ Литовскаго.

Богъ однажды повелѣлъ всѣмъ травамъ явиться къ нему. Всѣ травы пришли, только одинъ табакъ остался въ раю. Богъ замѣтилъ, что его нѣтъ, спросилъ, гдѣ онъ остался, и приказалъ ему сейчасъ же явиться.

Когда табакъ пришелъ, Богъ спросилъ его: „Почему ты вмѣстѣ съ другими не пришелъ?“ — „Потому, Господи, что всѣ другія травы меня оплевали. Я и не осмѣлился показаться“. — „Почему же онъ тебя оплевали?“ — спросилъ Богъ. — „Потому, Господи“, — отвѣтилъ табакъ, — „что Адамъ съ Евой, пробуя вкусъ всѣхъ травъ, нашли, что я очень горекъ“.

Богу какъ будто стало жаль табака. Онъ и говорить: „Съ этого дня станешь ты дорогимъ растеніемъ. Многимъ изъ людей ты будешь нравиться и будешь пользоваться ихъ уваженіемъ“.

Такъ и случилось, какъ Богъ сказалъ. Все же одна особенность въ табакѣ осталась: Онъ горекъ, поэтому люди, покуривъ, и теперь пллюются, какъ тогда травы въ раю.

ЗАЯЧЬЯ ШКОЛА
Съ Литовского.

Молодого зайца, которому только что исполнилось три дня со времени рождения, старики-заяць такъ поучаетъ: —

„Я съ усами и ты съ усами, такъ можешь уже и одинъ себѣ пропитаніе добывать“.

И старики покидаютъ зайчишку.

КАКЪ СТАЛА КУКУШКА
Съ Болгарского.

Жили-были разъ братъ и сестра. Поссорились они однажды изъ-за чего-то, братъ разсердился да и убѣжалъ куда-то очень далеко. Сестра ждетъ, когда онъ вернется. А его нѣтъ и нѣтъ.

Очень ей стало жалко, и взмолилась она къ Богу, чтобъ обратить Онъ ее въ лѣсную какую тварь, чтобы пошла она да поискала.

Господь внялъ ея молитвѣ и обратилъ ее въ кукушку. А имя брата было Куку. Вотъ она и бродить по лѣсамъ, все „Куку“ кричить, все найти его ей хочется.

КОМУ СЧАСТЬЕ
Съ Болгарского.

Былъ такой бѣднякъ, что ничего у него не было. Работаетъ, трудится, какъ и всѣ, а нѣтъ вотъ у него даже и чѣмъ поживиться. Говорили о немъ по сосѣдству, что нѣтъ ему счастья. Прослышалъ про это одинъ деревенскій богатѣй да и говорить: „Что это такое за счастье? Да можетъ-ли оно даже и быть?“ Не вѣрилъ онъ въ счастье.

Пошелъ этотъ бѣднякъ по дорогѣ, а передъ нимъ рѣка, а черезъ рѣку дерево перекинуто, мостъ. Богатѣй, какъ увидѣлъ бѣдняка, что онъ къ мосту идетъ, взялъ да и положилъ на это дерево червонецъ, а самъ спрятался подъ мостомъ. Думаетъ: „Говорять, нѣтъ ему счастья, а вотъ увидеть или не увидеть онъ червонецъ“.

Дошелъ бѣднякъ до моста да и говорить къ себѣ: „Постой-ка, посмотримъ, какъ слѣпые переходятъ черезъ мостъ“. Сказалъ, закрылъ свои глаза и пошелъ слѣпцомъ черезъ мостъ.

Тутъ богатѣй увѣровалъ и молвилъ: „Правду говорили мнѣ это, что кому счастье. Я ему червонецъ положилъ, а ему нужно узнать, какъ слѣпые черезъ мостъ ходятъ, наступилъ онъ ногой на червонецъ и не можетъ его увидать“.

КАКЪ ВОЗНИКЪ ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ
Съ Болгарского.

Когда умеръ Христосъ, Богородица сѣла въ головахъ у Него и тужила. Всѣ жены пришли со свѣчами и цвѣтами, пришла и лягушка. Вошла лягушка въ домъ, перекрестилась и зажгла свѣчу надъ головою Христа, гроздь цвѣтовъ положила на правое Его плечо. Всѣ жены тосковали надъ умершимъ, и каждая поручала Ему снести привѣтствія на тотъ свѣтъ, у кого изъ нихъ былъ кто-нибудь, кто умеръ. Дошла очередь и до лягушки. Та послала поклонъ своему лягвию, что умеръ недавно, а когда пришло ей время отбыть домой, принялась она утѣшать Богородицу: „Будь здорова, сестрица Богородица! Что человѣкъ можетъ сдѣлать, когда придется къ нему пустынная смерть? Вчера меня она нашла, и умеръ мой лягвій, сегодня нашла тебя, и умеръ у Тебя сынъ. Такъ-то вотъ оно все на этомъ свѣтѣ“.

Какъ слушали жены лягушкины слова, на всѣхъ нихъ нашло желаніе прыснуть отъ смѣха, но всѣ онѣ удерживались, стыдились Богородицы. Все же высмѣялись исподтишка, а чтобы Богородица не почувствовала, каждая держалась правою рукою за ротъ. Хорошо-то это хорошо, а только Богородица почувствовала, и, хоть большая у нея была жаль о Христѣ, а усмѣхнулась Она на лягушкины слова. И сей же часъ поняла Богородица что согрѣшила. „Охъ“, молвила Она, „да червянятся же уста мои, что усмѣхнулись, да падаютъ съ нихъ черви!“

И зачервенѣлись отъ разу уста Богородицы, заалѣлись, и, сколько прорекла она словъ, столько съ устья пало червей. По благости своей, Богъ благословилъ червей, стали они шелковичными червями и закрутили коконы. Взяли ихъ жены къ себѣ, и оттуда пошелъ шелкъ. Потому и драгоцененъ такъ шелкъ, что съ устьемъ онъ Богородицы, и благословенъ.

ВОРОБЬИНЫЙ СОНЪ

Съ Болгарского

Спалъ сладко воробушекъ, высоко въ гнѣздѣ своеемъ, подъ кровлей, и въ мысли къ нему не входило, какъ онъ будетъ зиму зимовать и чѣмъ прокормится. А какъ спалъ, видѣлъ чудный онъ сонъ.

Все цыплята вокругъ него, цыплята, въ пресвѣтлыхъ одѣяніяхъ, — шеи ихъ свѣтять какъ атласъ, клювы у нихъ золотые, перья у нихъ изъ зеленої шерсти и червонной, очи блестятъ красотой, словно какъ капля росы въ зарѣ. Глянуль воробушекъ и прорекъ удивленно: „Сирота я бездольный! Какой у меня нарядъ-то бѣдный!“ Только что онъ это подумалъ, вдругъ всѣ перушки его стали пестрыя. Какъ взыграетъ въ воробушкѣ радость, какъ началъ онъ скакать, съ вѣтки на вѣтку,

не можетъ нарадоваться. Онъ еще радуется, а ужъ къ нему бѣда. Змѣя наверху свивалась клубкомъ, прыгнула на него и чуть-чуть не сцепала. Бѣжать воробей, а тутъ другая бѣда. Видѣть охотникъ, что онъ такой красивый, и на него. Завопилъ воробушекъ: „Попусту радовался я! Эхъ, да если бъ опять мнѣ въ мое гнѣздо подъ застрѣхой!“

Проснулся воробушекъ, оглядѣлся и айда внизъ. Скокъ, скокъ, — искупался въ водицѣ, скокъ, скокъ, — запѣлъ воробей: „Чикъ-чирикъ, чикъ чирикъ!“

Буска. 1929. 30 іюля.

БОЛГАРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ Болгарскій языкъ наиболѣе близокъ къ Русскому, два эти языка воистину — два родные брата. Часто бываютъ близки къ Русскому, — до волнующей радости чувствовать Родное, — языкъ Сербскій, языкъ Хорватскій, и языки Чешскій и Польскій, но языкъ Болгарскій настолько близокъ намъ, Русскимъ, что мы можемъ его понимать, почти не изучая, — во всякомъ случаѣ его изученіе облегчено для насъ чрезвычайно, нашими общими историческими судьбами. Читая книгу Болгарскихъ Пѣсенъ, я часто чувствую себя въ Русской деревнѣ, будь то Великороссія или Малороссія. Молясь въ Русской Православной Церкви, я не однажды припомню Болгарское пѣснопѣніе и вспомню лики первыхъ нашихъ Вѣроучителей.

Я даль по-Русски нѣсколько образцовъ народныхъ пѣсенъ Сербскихъ и Хорватскихъ. Онѣ полны тонкости, часто ювелирной. Такъ называемыя Женскія пѣсни Сербіи, и въ особенности Хорватіи, пропѣты глубоко чувствующими драгоцѣнниками пѣсенного слова. Въ народныхъ пѣсняхъ Болгаріи, часто еще болѣе изящныхъ, меня плѣняетъ, однако, нѣчто иное. Въ нихъ мнѣ чувствуется болѣе крѣпкій духъ земли, пашни. Я сильнѣе въ нихъ чувствую свою родную деревню, — въ лучшемъ смыслѣ, крестьянское. Поэтическая хитрость Болгарской пѣсни — Боже мой! — да вѣдь это мое родное Русское поэтическое лукавство. Вотъ малый Болгарскій — Русскій вѣнокъ.

ОБЛАКО

Облако вѣется по ясному небу,
Не бѣлое облако, юноша бѣлый,
Юноша смѣлый — дѣвушку манить.
— Добрая дѣвушка, будешь со мною?
Наша земля-то вдвойнѣ хлѣбородна,
Надъ нашей землею два солнца сіяютъ!“
— Юноша милый, ты, юноша смѣлый,
Ежели манишь, другимъ ты приманишь.
Солнце одно, это юноша милый,
Добрая дѣвушка — солнце другое.
Ваша земля-то вдвойнѣ хлѣбородна,—
Двое въ работѣ, — вдвойнѣ хлѣбородна!“

ЖЕНИХЪ ДА НЕ ЖЕНИЛСЯ

Ждетъ юнакъ, все смотрѣтъ-смотрѣть,
Хороша въ селѣ юница,
Въ стадѣ агнецъ бѣлорунный,
На горѣ вѣтвистый яворъ,
Горностаевая шапка.
Ждалъ безумный, все смотрѣлъ онъ,
Бѣлый агнецъ былъ заколотъ,
И срубили стройный яворъ,
И купилъ купецъ проѣзжій
Горностаевую шапку.

СОНЬ

Заснула дѣвушка крѣпко
У самаго берега моря,
Подъ той-ли былъ сонъ подъ маслиной.
И вѣтеръ повѣялъ отъ моря,
Онъ вѣтку сломалъ на маслинѣ,
Ударила дѣвушку вѣтка,
Въ лицо ее вѣтеръ удариль.
И, вздрогнувъ, она пробудилась,
И вѣтеръ кляла она гнѣвно: —
— Ахъ, если бъ ты, вѣтеръ, не вѣялъ,
Спала бы себѣ и спала я!

Приснился мнѣ сонъ несчастливый,
Приходятъ въ мой сонъ три безумца,
Безумны они, неженаты.
Одинъ далъ мнѣ яблоко красно,
Другой подарилъ мнѣ златъ-перстень,
Во снѣ цѣловалъ меня третій.
Пусть тотъ, что былъ съ яблокомъ краснымъ,
Изсохъ бы, какъ яблоко красно, —
Пусть тотъ, что дарилъ мнѣ златъ-перстень,
Сквозь перстень, скользнувъ, провалился, —
А кто цѣловалъ меня въ дрѣмѣ,
Цѣлуй не во снѣ меня, — въ яви!“

Капбретонъ. 1928. 13 сентября.

БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ

Какъ мою утраченную, на невѣдомые дни, Россію, охотнѣе всего представляю я себѣ, еще невидѣнную мною, братскую Болгарію, съ которой весною увижуясь, зеленої страной, земледѣльческой, деревенскою, сельской. Такъ мнѣ и даютъ ее видѣть Болгарскія народныя пѣсни. Въ тонкомъ узорѣ свѣже распустившихся цвѣтовъ и зазеленѣвшихъ деревьевъ, — въ изумрудахъ воскресшей озими, — въ золотомъ сіяніи тяжелыхъ споповъ, изъ которыхъ сотворится для работавшихъ душистый хлѣбъ, — въ веселыхъ змѣиныхъ побѣгахъ виноградной лозы, свѣсившай обильныя ожерелья золотистыхъ и алыхъ ягодныхъ бусъ. Пѣсня поетъ: —

Какъ онѣ мнѣ милы, дѣвушки Болгарки!
Цѣлый день жнутъ жатву подъ горячимъ солнцемъ,
Отъ утра не знаютъ отдыха до ночи,
Жнутъ пригоршней полной, вяжутъ хлѣбъ спопами,
Вяжутъ хлѣбъ спопами и кладутъ крестами,
Цѣлый день въ работѣ, соловьями пѣсни,
И щебечутъ звонко, ласточки-касатки,
А когда подъ вечеръ путь затѣютъ къ дому,
Ступь ихъ поступь дробна, точно куропатки.

Юная дѣвушка, юная женщина освящаютъ трудъ. Ихъ лики проходятъ по всей нашей жизни, какъ душистое дыханіе цвѣтовъ уходитъ за предѣлы сада и летить вдоль дорогъ съ играющимъ вѣтромъ, превышая во много видимые предѣлы расцвѣтшаго луга. И вся Природа, являющаяся вѣчной рамой нашей работы и нашихъ наслажденій, нашего строительства и нашего

веселья, воспринимаетъ отъ вѣчноженственного, въ нашей душѣ, чару женскую, міръ вокругъ облекается въ ласковые образы, творческая мысль изящно ухватываетъ ковкое вещество видимаго, въ грани очарованія дѣтскаго, дѣвическаго, женственного. Отсюда три такія Болгарскія пѣсни:

ПЧЕЛА

Легкимъ лѣтомъ вьется пчелка,
Легкимъ лѣтомъ по росинкамъ,
По росинкамъ, по травинкамъ,
Медъ душистый собираетъ,
Желтый воскъ она скопляетъ.
Носить медъ она въ горшечкѣ,
Желтый воскъ собираетъ въ жбанчикъ,
Этотъ жбанчикъ — онъ червонный.

ЮНАЯ ЯБЛОНИЯ

Ты не вѣй-ка, вѣтеръ взвѣйный,
Не качай меня, лелѣйный,
Я и такъ добро рождаю,
По три яблокъ на двѣ вѣтки,
Эти яблоки — багрянки,
Ароматъ ихъ — сладкій ладанъ,
Въ серединѣ — бѣлоснѣжки.

ИРИСЪ

Дѣва ирисъ, цвѣтъ красивый,
Ты тихонько напѣваешь.
Недалеко слышно пѣнье,
А пастухъ съ горы девятой
Услыхалъ, загонъ оставилъ,
Тамъ несчитанное стадо,
Золоченое ведро тамъ.

Сколько изящества, сколько любви и ласки, сколько широкозахватныхъ, всеобъемлющихъ, землепоклонныхъ радугъ здѣсь просверкало, озарило, раздробилось, разбрзгалось, капельками росинокъ алмазными пріотилось въ чашечки только что раскрывшихся цвѣтовъ — расцвѣтаній. Преобладающая сила любви претворяетъ сѣре въ золотое, голубое, зеленое и алое. Такъ идешь иногда ночью, подъ утро, по сырому, холодному пути, по лугу тусклому, по лѣсу, кажущемуся лохматымъ и враждебнымъ. Но вотъ потонешь мыслью въ чѣмъ-то пасмурномъ и неудачливомъ, а вдругъ за чертой кругозора подойдетъ алая закраина всходящаго Солнца, брызнетъ заревымъ волшебствомъ лучей, и сырая трава станетъ осипью драгоцѣнныхъ камней, и лугъ станетъ пышнымъ, а лѣсъ будетъ первичнымъ храмомъ, — капищемъ смѣлыхъ развѣтвленій и разсыпчатыхъ звонкихъ птичьихъ пѣсень.

Тутъ зачарованное царство, въ которомъ колдуютъ красивыя птицы.

Бѣлыя павы

Какъ дворы у Нена самотворы,
На дворахъ серебряны подпоры,
На подпорахъ бѣлыя тамъ павы,
А хвосты ихъ — вѣера изъ шелка.
Эти всѣ серебряны подпоры
Не подпоры, сыновья то Нена,
На подпорахъ бѣлыя тѣ павы
То не павы, Неновы невѣстки.

Когда духъ очарованъ, міръ вездѣ творитъ чарование. Вѣчная, вѣщая перекличка вещественного и духовнаго. Звѣзда есть лишь звѣзда, небесное тѣло. Но вотъ эта звѣзда Болгарской народной пѣсни — совсѣмъ другая.

ЗВЕЗДА

Та звѣзда, что свѣтить ранней ранью,
 Та звѣзда — передъ царемъ плясунья,
 Предъ царемъ она водила танецъ,
 И служила такъ три дня, три ночи,
 Въ сладкой дрѣмѣ очи опустила,
 Пала ницъ серебряная чаша,
 Гдѣ легла серебряная чаша,
 Выросъ виноградъ, лоза взросла тамъ,
 Узель на лозѣ — три бѣлыхъ грозда.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ. Хлѣбъ и вино. Кубокъ вина и кусокъ хлѣба, въ окружениіи братства и любви. Это — цѣлое вѣроученіе. Свѣтлый жизнекругъ. И ходить пахарь, и ходить сѣятель, осуществляется жизнетворческій союзъ.

ПАХАРИ

Подъ горою, подъ зеленої,
 Съ пашней пахари въ союзѣ,
 Пашню пашутъ, жито сѣютъ.
 Сѣять — имъ, лелѣять — Богу,
 Жито жать — дѣвицамъ юнымъ,
 Снопъ къ снопу вязать — парнишкамъ,
 Съ возомъ ъхать — младоженамъ,
 Молотить — отецъ и мать тутъ,
 А молотъ-то бѣлымъ старцамъ,
 Ъсть тотъ хлѣбъ — всѣмъ христіанамъ,
 Вознося хваленя Богу.

Въ этой красивой иконописи чувствуется не только радость, но и крестная жертва. И крестъ тутъ есть. Оттуда, изъ этой страны, и къ намъ онъ когда-то пришелъ, — Крестъ. Но хороши кресты — въ сильныхъ рукахъ твердо идущаго, и отъ такого креста далеко свѣтлія сіянія, облекая свѣтомъ и тепломъ тѣхъ, кто въ теплѣ и въ свѣтѣ кровно нуждается.

КРЕСТОНОСЦЫ

Крестоносцы крестъ свой носять
 Черезъ поле, черезъ нивы,
 Крестоносцы Бога молятъ,
 Чтобъ росиль росой онъ дробной,
 Чтобъ роняль росу, какъ бисеръ,
 Чтобъ вспоилъ вино и жито,
 Чтобъ пшеницѣ быть по поясъ,
 А лозѣ до самой кровли,
 Чтобъ изъ десяти колосьевъ
 Сытныи хлѣбъ былъ полной мѣрои,
 Чтобъ текли и медъ, и млечо,
 Чтобъ кормились и наѣлись
 Всѣ сиротки, безпріютки.

Трудовое царство пашни, нивы, виноградника, сада, лѣса, горы, напѣвнымъ очарованіемъ все облекается, какъ частымъ высокимъ частоколомъ, рисунчатымъ узоромъ многочисленныхъ церквей, вскинувшихъ свои стрѣлометные, къ синевѣ стремящіеся, шпили въ золотой воздухъ, дѣлающій верховною синь еще глубже и синѣе. Вѣками, сердцами, морями Всепѣтая, ходить кротко и дозорно Пресвятая Дѣва Марія. Она видитъ дѣвшушку, она міру отдаетъ эту дѣвшушку, мудро ее научивъ, какъ быть счастливой въ этомъ мірѣ.

БОГОРОДИЧНАЯ РИЗА

Гладкій дворъ мела дѣвица,
 А въ рукихъ у юной дѣвы
 Былъ букетикъ васильковый,
 Амарантовая вѣтка.
 Въ ризѣ шелковой юница,
 На подолѣ часты звѣзды,
 Въ рукавахъ звѣзда денница,
 На плечахъ, тамъ ясный мѣсяцъ,
 На груди, тамъ ясно солнце.
 „ — Кто тебѣ, малютка - дѣва,

Даль ту шелковую ризу?“
 „— А была съ младымъ я Богомъ.
 Божья мать меня дарила
 Тонкой ризою изъ шелка,
 А даря, меня учила: —
 „— Какъ соткешь такую ткань ты,
 Какъ такой узоръ ты вышьешь,
 Лишь тогда, моя малютка,
 Ты ходи на посидѣлки!“

Матерь Божья, Пречистая Дѣва, по вотчинѣ своей
 ходя, не только дѣвушку досмотрѣла нѣжнымъ дозор-
 нымъ окомъ, она и голубямъ ихъ путь указала.

МАРИНА ЦЕРКОВЬ

Бѣлые голуби раннею ранью проснулись,
 Божія Матерь ихъ, бѣлыхъ, любя, досмотрѣла,
 Ихъ отвела она рано къ лужайкамъ росистымъ,
 Въ лѣтній тамъ день стерегла ихъ до самого полдня.
 Слово такое къ нимъ молвить святая Марія: —
 „— Голуби, голуби, два вы бѣлѣйшихъ павлина,
 Лѣтомъ летите, взлетите, у лѣса падите,
 Церковь вы тамъ вознесите, Маріину церковь!“
 Голуби взвились, надъ лѣсомъ взлетѣвъ, задержались,
 Крылья раскрыли и церковь они водрузили,
 Такъ и бѣлѣть тамъ нынѣ Маріина церковь.

И любимецъ не только Южно-Славянской, но и
 Русской народной души, подлинно нашъ Русскій святой,
 взнося крестъ, бѣлымъ сіяніемъ чистыхъ снѣговъ окру-
 жая жертвеннное свое служеніе-дѣланіе, довершаеть
 священное видѣніе святой Никола.

СВЯТОЙ НИКОЛА

Куетъ корабль святой Никола,
 Куетъ изъ древа онъ изъ кедра,
 Въ него, сковавъ его, впаяетъ
 Онъ драгоценные каменья,

И въ бѣлый холстъ его одѣль онъ,
 Чтобы плылъ легко онъ Бѣлымъ моремъ.
 Глядитъ, а море все замерзло,
 Замерзло все, заледенѣло,
 И крестить посохомъ его онъ,
 Съ востока крестить до заката,
 И справа крестить онъ налѣво,
 Тугъ вдругъ повѣялъ вѣтеръ южный,
 Тотъ южный вѣтеръ Бѣломорскій,
 И ледъ растаялъ въ Бѣломъ морѣ
 Дельфинъ въ немъ, рыба, разыгрался,
 И вотъ плыветъ корабль тотъ бѣлый,
 Къ Святой горѣ, корабль тотъ бѣлый.

Буска. 1929. 13 февраля.

СОУЧАСТИЕ ДУШЬ

СЛАВІЯ И ЛІТВА

Мнѣ вспоминается въ чуждый мнѣ здѣшній Сочельникъ, давнишній — давнишній часть моей жизни. Мнѣ было года 23, я жилъ одинъ въ Москвѣ, изучалъ Скандинавскую литературу, Нѣмецкую и Французскую, готовился къ невѣдомой, но заманчивой литературной дорогѣ, а готовясь къ неявственно и плѣнительно рисовавшимся юному воображенію завоеваніямъ, голодалъ, какъ то приличествуетъ будущему капитану корабля, не имѣющему пока и малаго членка. Дорогу литературную я уже началъ предъ этимъ года за полтора, напечатавъ въ Ярославлѣ небольшой „Сборникъ Стихотвореній“, не имѣвшій ни малѣйшаго успѣха. Были Святки, было холодно въ морозной святочной Москвѣ, и было мнѣ голодно, а впрочемъ, весело. Постоявъ на Тверской улицѣ, передъ блистательно освѣщенными широкими окнами булочной Филиппова и глазами, чрезъ холодное стекло, съѣвъ немало закрученныхъ огромныхъ кренделей и совсѣмъ обворожительныхъ сдобныхъ ватрушекъ, я купилъ себѣ скромный калачъ, вернулся въ свои „Меблированныя комнаты“, что были на Знаменкѣ противъ Румянцевскаго Музея, и, заказавъ себѣ самоваръ, усѣлся въ полномъ одиночествѣ за двойной пиръ. Чай съ калачомъ вещь хорошая. Да недурная вещь и только что купленная книга, Шведская книга, разсказы Матильды Роось. Я прочелъ маленький святочный разсказъ, „Кубарь“. Сколько помню сейчасъ, дѣло все въ этомъ разсказѣ заключалось въ томъ, что какой-то

одинокій, но не бѣдный человѣкъ увидѣлъ въ предрождественскій холодный вечеръ зябнущаго оборваннаго мальчика, стоявшаго предъ магазиномъ игрушекъ. Господинъ понялъ его. Онъ зашелъ въ магазинъ, купилъ кубарь и подарилъ мальчику. На зимней улицѣ, гдѣ томились двѣ человѣческія души, одна — изводясь пустотою, а другая — оброшенностью, какъ бы зажглась Святочная Елка, и этотъ кубарь былъ прямо Божиимъ яблокомъ, принесеннымъ на Землю изъ Небесныхъ садовъ. Этотъ разсказъ я тогда немедля и перевѣль, въ одинъ изъ ближайшихъ дней дерзнулъ снести въ „Русскія Вѣдомости“, разсказъ принялъ, а мой литературный путь пошелъ въ вѣрномъ направленіи.

Мнѣ нравится сейчасъ, очень, видѣніе этого со участія душъ. Полуницій мальчикъ на холодной ночной улицѣ, скучающій прохожій, въ которомъ шевельнулось человѣческое сердце, Шведская разсказчица, увидѣвшая это зрѣлище, и юный Русскій поэтъ, которому, того сама не зная, Скандинавская писательница подарила Святочную Елку. Какое прекрасное счастье: — Не зная, подарить что-нибудь другому, озябнувшему и одинокому подарить маленькой веселокружашійся кубарь и цѣлую Святочную Елку. А мы часто проходимъ мимо такого прекраснаго счастья, но къ сожалѣнію рѣдко замедляемъ шагъ нашъ, чтобы, остановившись на мигъ, бросить въ черную ночь полосу звѣздныхъ искръ.

Снова я одинъ въ моемъ Сочельникѣ. Одинъ — и не одинъ. Я беру небольшую книгу стиховъ Чешскаго поэта Йосефа Пелишека, „K Životu“, „Къ Жизни“. Пелишекъ былъ моимъ добрымъ другомъ, когда я гостилъ въ прошломъ году въ Прагѣ, и я сразу нахожу въ его книжѣ стихъ, совсѣмъ подходящій къ тому, о чёмъ я говорю. Вотъ онъ въ моемъ перепѣвѣ, „Лужайки“.

Жизнь зла,
А люди — этой жизни злѣ.
Но иногда ты видишь что, алья,
Твоя дорога съ краю расцвѣла.
Вседневный путь твой тяжекъ мглой познанья,
Но мѣсто есть, не больше, чѣмъ ладонь,
Былинка тамъ, и ты ея не тронь,
Двѣ-три березы дальше, въ нихъ шептанье:—
— Жизнь зла,
Земля красива,
И сердце красотою живо,
Душа свѣтла.
Дорога будень — прахъ и непогода,
Затянута туманами тоски,
Но, глянь, ребенку два лишь года,
Неопытны его шажки,
Въ его лицѣ какъ будто недовѣрье,
Но вдругъ онъ — смѣхъ невинныхъ усть: —
Такъ птичка, прыгнувъ, скрылась въ кустѣ,
И щебетнула тамъ, свои наёживъ перья.
— Жизнь зла,
И часто въ жизни сѣры краски,
Но у дѣтей прозрачны глазки,
Душа свѣтла,
И, если на своей дорогѣ
Напасти встрѣтишь, свѣть въ душѣ храни, —
Бывають наши дни убоги,
Бывають въ нихъ вспылавшіе огни,
Лампада звѣздная зажглась намъ искони,
Въ полночномъ небѣ, въ черномъ томъ чертогѣ,
Она свѣтла,
Горитъ какъ въ храмѣ.
— Жизнь зла,
Но есть лужайки намъ, съ глядящими цвѣтами.

Ну, вотъ. Чешскій поэтъ, того не зная, подарилъ мнѣ святочный подарокъ. Русское слово и чувство заглянули въ Чешскую душу и рѣчъ. Зеркало въ зеркало. Игра отраженій.

Я продолжаю свое колядное прохожденіе. Беру книгу своего Польского друга Болеслава Лесьмяна, „Sad Rozstajny“, „Садъ Разлучный“. И тутъ нахожу я святочный подарокъ, „Взмахъ весель“.

Взмахъ весель разрѣзаль текучую сталь —
И шорохъ — и Солнце — и пѣсня — и даль.
Лишь такъ это нужно для знака чудесъ: —
Плыть противъ земли — и напротивъ небесъ.
Кораллы, жемчужины съ темнаго дна,
Бросать въ глубину своего полусна.
Забросить и слушать, какъ тамъ, гдѣ темно,
Ударится жемчугъ въ отвѣтное дно.
Какъ зеркало — воды, и лодка въ немъ знакъ,
Вотъ такъ это нужно для чуда, лишь такъ.
Съ ладьею двойною и здѣсь ты, и тамъ,
Двукратно одинъ ты, двукратно ты самъ.
Ладьею двойною плыви въ тишинѣ,
Вдвойнѣ въ ней люби ты и гибни вдвойнѣ.
Тѣхъ весель четыре, и два тутъ руля,
Лицо — до лица, и съ землею — земля.
Изъ сновъ ты изъ двухъ проскользнулъ по волнѣ,
Чтобъ вновь здѣсь въ единственномъ встрѣтиться снѣ.
На ночи, — единому сну, — и на дни,
Тому одному ты душой присягни!

Прозрачнымъ взглядомъ въ прозрачную глянувшую воду, видишь себя овоздушненнымъ, тѣлесное преображается въ духовное. Въ какую ни глянь глубокую душу, найдешь въ ней отвѣтъ. Чудо человѣческой зеркальности всегда можно чутко подстеречь. Наша дорога всегда проходитъ около родныхъ вѣхъ. Надѣя нашимъ жизненнымъ путемъ есть великий Знакъ. Лишь памятую двойной нашъ Знакъ, двойное естество, путь Отсюда къ предѣлу, что Тамъ, можно быть человѣкомъ достойнымъ. Я раскрываю „Српске Народне Песме“ собранныя Воиславомъ Іовановичемъ, и нахожу тамъ подтвержденіе, „Человѣкъ правосудный.“

Человѣкъ правосудный,
Вѣрный Божій служитель!
Если хочешь быть Божиимъ,
Въ жизни доброе дѣлай,
Брата старшаго чти ты,
Не взносись при удачѣ,
Будешь младшими чтимъ ты.
Не клонись въ неудачѣ,
На чужое не зарься.
Потому, человѣче,
Потому, правосудный,
Что, когда къ человѣку
Смерть придетъ необманно,
Ничего онъ съ собою
Не уносить изъ жизни,
Лишь скрещенные руки
И совершенное дѣло.

Такие словесные цвѣты-расцвѣты, какъ тѣ, что сейчасъ возникаютъ передъ нами, имѣютъ власть магическую и цѣлебную. Они, восходя въ душевный воздухъ, гдѣ только что была ночь и грусть, — вознося въ душевную тьму свои раскрывающіяся цвѣтистыя и благовонныя чаши, излучаютъ изъ себя разсвѣтные лучи, и вотъ уже ночи нѣтъ, и печаль растаяла. Вѣрно говорить мудрая Болгарская поговорка: „Благое слово желѣзную дверь отпираетъ.“ Вѣрно говорить и другая Болгарская поговорка: „Слово не стрѣла, а сердце пронзаетъ“. Хорошо, когда рожденное мигомъ слово — не стрѣла, напитанная ядомъ Анчара, а то бѣлое благословенное видѣніе, которое нарисовано проникновенной Болгарской пѣсней („Самодиви“, подбралъ Емануилъ Димитровъ), „Бѣленье“.

Что тамъ, лелѣя,
Качаясь, бѣлѣя,
Млѣтъ на лугѣ?
Ледъ - ли тамъ льдяный,

Снѣгъ - ли тамъ снѣжный,
Лебедь - ли бѣлый?
Если бы ледъ былъ,
Если бы снѣгъ былъ,
Онъ бы растаялъ.
Если бъ былъ лебедь,
Лебедь былъ бѣлый,
Онъ улетѣлъ бы.
Нѣтъ, то не ледъ тамъ,
Нѣтъ, то не снѣгъ тамъ,
Нѣтъ, тамъ не лебедь, —
Юная дѣви,
Въ бѣломъ качаны,
Бѣлять полотна.

Когда душою мы тяготѣемъ къ душамъ, — когда душою мы свѣтло глядимъ на другую душу, — глазами въ глаза устремляемся, ничего не тая, не утаваясь, не скучая, не жалѣя, расточаясь, — какъ весенній цвѣтъ, источая свой духъ, расточаетъ себя, — мы создаемъ вокругъ себя такой чарующій бѣлый свѣтъ. Свѣтъ Святокъ. Свѣтъ Русской зимы. Свѣтъ нашихъ горныхъ снѣговъ.

Наша жизнь тяжела. Мы вѣчно обмануты и вѣнчаниемъ міромъ, и самими собою, не до конца, не до предѣла отдаваясь міру. И наше большое становится маленькимъ, наше великое призрачно измалывается. Объ этомъ превосходно сказалъ пламенный Литовскій поэтъ Людасъ Гира, съ которымъ, еще ни разу не встрѣтясь, я заключилъ нерушимый братскій союзъ, „Годы за годами“ („Žalioji Pievele“, „Лугъ Зеленый“).

Годы за годами — въ страхахъ чудеснѣй,
Тамъ, гдѣ сегодня вѣнчальная пѣсни,
Завтра тоскуетъ вдова.
Годы за годами мчатся, кружатся,
Наши глаза, призакрыты, слѣпятся,

Смотрятъ, но видятъ едва.
 Годы за годами птицами съ крикомъ
 Мчатся, летятъ, мы въ рѣшены великомъ,
 Въ малостяхъ завтра опять.
 Годы за годами рѣютъ, кружатся,
 Намъ лишь сермяги съ заплатами снятся,
 Только бѣ намъ лапти сплетать.
 Годы за годами — лебеди въ лѣтѣ,
 Ждемъ мы блаженства въ конечномъ разсчетѣ,
 Какъ его нѣтъ, такъ и нѣтъ...

Исходъ изъ того убивающаго, обездоливающаго вихря, о которомъ говоритъ Литовскій поэтъ, — въ соучастіи душъ и въ утонченіи души до ея бѣлага расцвѣта. Въ Литвѣ и во всѣхъ Славянскихъ странахъ, съумѣвшихъ выносить въ героическихъ и страдальческихъ своихъ вѣкахъ лучшія Народныя Пѣсни, какія только есть на свѣтѣ, много духовныхъ возможностей взаимосближенія, взаимообогащенія, пререкрестнаго тока излученій и созвонностей. Зажжемъ нашу общую Святочную Елку! Она можетъ досягнуть верхушкою до неба, а Рождественскія свѣчи, на изумрудномъ бархатѣ ея вѣтвей, бросять лучи до самыхъ темныхъ ущелій Земли. Путь такой простой: Съ братомъ — братомъ, съ другомъ — другомъ. А другу безъ друга плохо. Объ этомъ звонко пропѣла Хорватская пѣсня (Собранныя Николой Андричемъ, „Hrvatske Narodne Pjesme“).

Соловей распѣваетъ
 Пѣсни въ рощѣ зеленої,
 Пѣсни въ рощѣ зеленої,
 На извилистой вѣткѣ.
 Три охотника вышли
 Соловья застрѣлить бы,
 „— Вы меня не стрѣляйте“,
 Соловей къ нимъ взмолился.

„— Вы меня не стрѣляйте,
 Буду пѣсни вамъ пѣть я,
 Во саду во зеленомъ,
 На румяной на розѣ“.
 Соловья ухватили,
 Три охотника взяли,
 И метнули въ крылечко,
 Чтобы пѣль онъ ихъ милымъ.
 Не поетъ соловей имъ,
 Не поетъ и тоскуетъ,
 И въ зеленую рощу
 Соловья отпустили.
 И запѣль соловей тамъ: —
 „Что прямѣе и проще!
 Тяжко другу безъ друга,
 Соловью же безъ рощи!“

Le Bouscat, Gironde. 11, rue Lorta.
 1928. 24 декабря.

СЛАВЯНСКІЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ
ОТЪ СЛОВЕНІИ ДО БОЛГАРИИ

Слава тебѣ, пресвѣтлое Солнце, давшее мнѣ жизнь и научившее меня смотрѣть на міръ — и на всѣ вещи міра сего — прямо и безъ утайки. Слава тебѣ, Свѣтильникъ Небесный, и да простишь мнѣ, что съ наступлениемъ ночи не только люблю я безчисленныя солнца, зовущіяся звѣздами, но духъ мой иногда становится также духомъ темнымъ и знаетъ кривой полетъ летучей мыши, на крылахъ не птичихъ несущей злую ворожбу. Слава Солнцу, дающему яркую весну.

Три мѣсяца путей. Завершенный кругъ. Я снова во Франціи, и предъ тишиной рабочей комнаты въ захолустыи я опять на нѣсколько дней въ умосводящемъ грохотѣ мелькающаго Парижа. Смотрю на пробѣгъ ста дней и внутреннимъ взоромъ вижу Любляну, Словенію, въ солнечнамъ сіяніи, — Загребъ, Хорватію, подъ чернымъ покровомъ душевной смуты, — Бѣлградъ, Сербію, нѣчто скжатое и самозамкнутое, сразу доброе и неуступчивое, героическое и гнетущее, — Софию, Болгарію, царство изумительныхъ горъ, залитое лучезарнымъ Солнцемъ, три недѣли счастья, привѣтливый народъ, ласковые люди, радость быть почти въ Россіи, братскій языкъ, смѣющіяся дѣти, братство мгновенной дружбы, православный благовѣстъ и, древнею чарою сверкающей, пробѣгъ Священнаго Огня.

Я назвалъ четыре Славянскія страны въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ увидѣлъ, проѣхавъ изъ Франціи черезъ величественную Швейцарію и брызжущій водо-

падами Тироль. Я былъ приглашенъ въ Сербію Русскимъ Институтомъ въ Бѣлградѣ и читаль тамъ о Русскомъ языкѣ и его создателяхъ, о лицахъ женщины въ поэзіи и жизни, о Литовской и Славянской народной пѣснѣ, еще и еще, и аудиторія всегда была полна внимательными слушателями. Я бродилъ по улицамъ и по садамъ, вслушиваясь въ мелодичекий говоръ Сербскихъ крестьянокъ и крестьянъ, — только они и говорятъ мелодически по-Сербски, съ этими плѣняющими удлиненіями гласныхъ. Въ произношеніи людей, зовущихся образованными, Сербскій языкъ звучить не напѣвно. Мнѣ показалось, что лишь другъ Русскихъ, проф. А. И. Беличъ, и другъ Россіи, поэтъ И. С. Шайковичъ, говорятъ по-Сербски мелодически. Нѣть, конечно, необходимо назвать еще поэта-романиста, изящнаго Сибе Милетича, и талантливаго Іована Дучича, и крестьянина-профессора Милоша Московлевича. А изъ Русскихъ, съ которыми всегда было въ Бѣлградѣ радостью говорить, не могу не назвать вѣчно-живаго и доброго проф. Е. В. Спекторскаго, адвоката-журналиста Г. С. Ремезенко и умудренного П. Б. Струве.

Но мнѣ не обѣ отдѣльныхъ людяхъ сейчасъ хочется говорить. Ихъ много, дорогихъ мнѣ людей въ родныхъ мѣстахъ Славіи. И, если я назову въ Словеніи проф. А. Д. Билимовича, проф. А. В. Маклецова, артиста Голію, любящаго Россію, и прекраснаго поэта Жупанчича, и ласковаго Отона Цанкара, и доктора Канскаго, и родного волжанина проф. Преображенскаго, сколько же еще надо мнѣ назвать свѣтлыхъ именъ въ Словеніи? Вся Словенія, которую я видѣлъ между Любляной и озеромъ Блэдомъ, лучистая страница красоты, хлѣбосольства, пѣсни, стиховъ, улыбчивыхъ лицъ, а

лучшій другъ Русскихъ въ Словенії, вѣчно-молодая Терезія Мих. Енко — живой образецъ того, какъ изящна душа Славянской женщины.

Краткій заѣздъ въ Загребъ, гдѣ заочно съ мною подружившійся неутомимый труженикъ, создавшій, одинъ, цѣлое книгоиздательство, д-ръ Никола Андричъ выпустилъ въ день моего пріѣзда Хорватскій переводъ моей книги „Visions Solaires“, „Sunčane Vizije“. У Николы Андрича я какъ въ родномъ домѣ. Молодой Хорватъ Киринъ, научившій уже многихъ-многихъ Хорватовъ Русскому языку, мчится со мною въ автомобилѣ, я вижу великолѣпные виноградники, красавицъ-Хорватокъ, работающихъ въ нарядахъ, которые даютъ мнѣ видѣть въ нихъ царевенъ. Народъ съ народомъ близокъ, хоть правители народовъ и разъединяютъ ихъ. Словенка, Хорватка, Сербка, Болгарка, въ работѣ, въ говорѣ, въ смѣхѣ, въ пѣснѣ, въ радости жизни, въ довѣрчивой привѣтливости, много ближе другъ къ дружкѣ, чѣмъ образованный Сербъ и образованный Хорватъ, — чѣмъ правящій Сербъ и правящій Болгаринъ. Зачѣмъ это такъ? Это — неправо. Это — должно быть видоизменено въ сторону человѣчности. И, — сколько могу видѣть ясно, — доброй воли къ устраниеню разногласія больше въ солнечной Софіи, чѣмъ въ приannahmуренномъ Бѣлградѣ.

Предо мною сейчасъ раскрыта благая маленькая книжечка проф. С. С. Бобчева: „Славянската идея и Руско-Турската освободителна война“. Предо мною также встаетъ взволнованное лицо этого благородного Болгарского ученаго, мы стоимъ вдвоемъ, рядомъ, предъ переполненной аудиторіей „Славянского Содружества“ въ Софіи, и онъ вручаетъ мнѣ дипломъ и почетный знакъ Свободнаго Университета, пріобщаетъ меня Славіи

единой Славіи, ибо уже десятки лѣтъ я работалъ какъ Славянскій поэтъ, любящій и чущій красоту всѣхъ Славянъ.

Это — праздникъ жизни. Какъ праздникъ жизни — узнать такихъ людей, такихъ братьевъ, какъ Болгарскій поэтъ Емануиль П. Димитровъ, и Никола Фед. Балабановъ, и огненнокраснорѣчивый К. Г. Георгіевъ, и 80-лѣтній юноша Стоянъ Заимовъ, на высотахъ Плевны собственными руками раскинувшій садъ надъ садомъ, во имя Русскихъ, тамъ жертвенно погибшихъ за братскую Славянскую страну.

С. С. Бобчевъ говоритъ (стр. 11-я): „Въ Болгаріи вѣруютъ и знаютъ одно, что прежде всего нужно упорядочить отношенія между Югославіями и Болгарами, что, вопреки всему, жизненная надобность — въ единеніи двухъ братскихъ странъ — Югославіи и Болгаріи“.

Именно такъ. И такъ же думаю я. Если бы Болгарія, Македонія, Сербія, Хорватія, Словенія образовали одну слитную цѣль, гдѣ каждое лучезарное звено было бы озарено свободой, тогда эти звенья не терлись бы съ лязганьемъ одно объ одно, одно о другое, а эта цѣль стала бы ожерельемъ. И другіе Славяне тогда примкнули бы къ этому ожерелью, во славу Славянства и Человѣчности.

Пробѣгъ Священнаго Огня, зажженаго въ Прѣславѣ почти столѣтнимъ старцемъ и разнесенного по всей древней Болгаріи, гдѣ колокольный звонъ прекрасенъ, какъ въ Россіи, не напоминаетъ ли о томъ, что огонь очистительный расплавляетъ металлы и превращаетъ подземный холодъ въ цветы изъ пламени!

Парижъ. 1929. 28 мая.

СЛАВЯНСКОЕ ДРУЖЕСТВО

Содружество Славянъ — по Болгарски Славянското Дружество — какъ красиво сочетаніе этихъ двухъ словъ и сколько свѣтлаго сіянія разлилось бы по всей землѣ, если бы два эти слова, какъ Солнце и Мѣсяцъ на небѣ, означали широкое царство Всеславянскаго благоволія и взаимодѣланія въ рамъ Мировой Исторіи.

Въ Софіи, которую я всегда буду вспоминать какъ одинъ изъ самыхъ уютныхъ, привѣтливыхъ и очаровательныхъ городовъ, какіе когда-либо мнѣ приходилось видѣть на обоихъ полушаріяхъ Земли, есть старѣйшее и пока единственное общество Всеславянскаго единенія, если не считать юное „Содружество Молодыхъ Славянъ въ Болгарії“, — досточтимое „Славянское Дружество“, возглавлявшееся въ 1902-мъ и 1903-мъ годахъ Иваномъ Вазовыемъ, а съ 1904-го года и донынѣ возглавляемое С. С. Бобчевымъ. Въ 1889-мъ году это общество насчитывало 57 членовъ. Вскорѣ ихъ было 600. При празднованіи 25-лѣтія со дня основанія общества, въ 1924-мъ году, ихъ было уже 3,000. У общества есть свой домъ, гостепріимно дающій прибѣжище другимъ просвѣтительнымъ союзамъ, у него есть своя обширная библиотека, въ которой имѣются сочиненія всѣхъ видныхъ Славянскихъ писателей, будь то Русскіе или Сербы, Чехи или Поляки. Дружество печатаетъ три изданія: „Славянски глашъ“, занятый текущими вопросами Славянскаго міра, „Славянска Библиотека“, гдѣ печатаются болѣе законченные очерки по Славянской культурѣ, и „Славянски календарь“, альманахъ по Славянскимъ вопро-

самъ. Основная цѣль всѣхъ этихъ изданій, по опредѣленію С. С. Бобчева, познаваніе Славянскихъ народовъ, находженіе точекъ сближенія и, главное, проведеніе въ жизнь основоположной мысли Славянскаго Дружества: „Что бы ни дѣлали Славянскіе народы, ни одинъ изъ нихъ не можетъ преуспѣвать чрезъ несчастіе и неволю другихъ Славянскихъ народовъ“.

С. С. Бобчевъ подчеркиваетъ („Юбилеенъ сборникъ на Славянското Дружество въ Бѣлградѣ, 1889—1924“. Софія, 1925), что Всеславянское Единеніе не означаетъ политического панславизма. Я полагаю, что такая оговорка не нужна. Пока рѣчь идетъ о чисто мирномъ просвѣтительномъ дѣланіи, Всеславянство, конечно, не означаетъ воинствующаго панславизма. Но не должно забывать, что есть державы — вѣковые враги Славянства.

Въ интересномъ сборнике, выше указанномъ, есть содержательные очерки выдающихся дѣятелей науки и практической жизни. Такія имена, какъ Г. В. Флоровскій, Стефанъ Йосевъ, Холечекъ, Андрэ Мазонъ, Пловдивскій Митрополитъ Максимъ, Д-ръ Н. Бобчевъ, и много др., говорятъ сами за себя. Нельзя не найти чрезвычайно мѣткими слова извѣстнаго публициста А. А. Башмакова: „Въ итогѣ событий послѣдняго 10-лѣтія Славянство, какъ цѣлое, выдвинулось значительно на политической сценѣ міра. Россія сошла, окровавленная и опозоренная, во временную могилу, хотя плоды міровой войны достигнуты главнымъ образомъ, ея же усилиями; а Славянство, въ общемъ, одобрило этотъ поворотъ вещей“. Превосходно вѣрны, приводимыя А. А. Башмаковымъ, слова Французскаго публициста Альбера Муссэ (*La Revue Universelle* 1921, № 11): „Мирные договоры, завершившіе міровую войну, отбросили повсюду Славянство отъ береговъ или ослабили его фактическую возможность пользоваться

моремъ. Въ общемъ итогѣ, всѣ событія произошли такъ, какъ будто загадочная, но роковая сила предопредѣлила, что провалъ Россійского Государства долженъ стать выкупомъ за свободу молодыхъ Славянскихъ народовъ. Европа согласилась, наконецъ, признать ихъ право на жизнь, но только въ тотъ моментъ, когда великій Славянскій братъ потонулъ въ безпросвѣтномъ хаосѣ. Въ этомъ совпаденіи, Русская душа, въ ея мистическомъ полетѣ, несомнѣнно, усмотрѣть увѣнчаніе вѣкового призванія Россіи ореоломъ ея народнаго мученичества".

Но да не будетъ такъ, и Великій Братъ Всеславянскаго Союза, который долженъ возникнуть, да стряхнетъ съ себя Иго Бѣсовское и да войдетъ творчески во Всеславянскую работу.

Мнѣ вспоминаются майскіе дни 1929-го года. Связанный со Славянскимъ Дружествомъ, Свободный Университетъ Софіи доставилъ мнѣ большую честь, въ торжественномъ засѣданіи принялъ меня въ свое лоно почетнымъ членомъ. Когда, вручая мнѣ дипломъ и почетный значокъ, говорилъ С. С. Бобчевъ, всегда одушевленный мыслью о Всеславянскомъ Единеніи, переполненная аудиторія, состоявшая изъ представителей Болгарской науки и словесности, Софійского духовенства и образованныхъ людей, рукоплескала дружно, въ отвѣтъ на высоко-человѣчныя слова С. С. Бобчева. Она дружно рукоплескала и моимъ строкамъ „Къ Братскому Народу“. Эти строки чрезъ 2—3 дня я снова прочелъ предъ молодой и вовсе юной аудиторіей, въ „Дружествѣ культурнаго единенія молодыхъ Славянъ въ Болгарії“, въ числѣ членовъ коего, кромѣ Болгаръ, есть и Чехи, и Поляки, и Лужицкіе Сербы, и Хорваты. Въ этой молодой аудиторіи, где горькокраснорѣчивая Добруджанка восклицала: „Въ Добруджѣ и малая пташка, соловей, поетъ на своемъ

соловьевиномъ языкѣ, а намъ, Добруджанамъ, на Болгарскомъ нашемъ языке нельзя даже пѣть „Христосъ Воскресе!“, — въ этой жаркой переполненной залѣ гдѣ я впервые понялъ, какъ можетъ быть нѣженъ и пѣвучъ Болгарскій языкъ въ устахъ юной поэтессы, жалующейся на несочувствіе братскихъ сосѣдей, я былъ окруженнъ незабываемыми горящими глазами, когда читалъ свои стихи.

КЪ БРАТСКОМУ НАРОДУ

Въ тысячелѣтіе свершается такъ много,
Что позабыть легко, гдѣ былъ когда-нибудь,
Но изъ Болгаріи — въ Россію есть дорога,
А изъ Россіи — до Болгаріи есть путь.
Когда вливалась Русь въ великие размѣры,
Что выткались поздній въ безкрайный пышный сказъ,
Отсюда къ намъ пришелъ огонь той вѣрной вѣры,
Что скрѣпой вѣрности спаялъ наўѣки насть.
И полстолѣтіе тому — здѣсь Русской крови
Пролился жертвенно несчитанный потокъ,
Чтобъ вольно колось цвѣль Болгарской свѣжей нови,
Чтобъ вольнымъ былъ здѣсь духъ, нетронутымъ цвѣтокъ.
Теперь, когда вездѣ такая убыль Бога,
Влетѣлъ мнѣ соловей въ истерзанную грудь,
И звонко онъ поетъ, что брату братъ — подмога,
Возстанеть Русь, какъ Русь,—вдвоемъ пробьемъ нашъ путь!

Но почему вдвоемъ? Наша семья обширнѣе. Славянская семья полна внутреннихъ ссоръ. Ссорятся вообще всѣ семьи. Но бываетъ мигъ огляда и душевнаго просвѣтленія. Есть въ году праздникъ всѣхъ Святыхъ. Хочу и вѣрю: Будетъ въ исторіи праздникъ всѣхъ Славянъ!

Капбретонъ. 1929. 27 августа.

НА ВЫСОТАХЪ ПЛЕВНЫ
У СТОЯНА ЗАИМОВА — ВЪ ПЛѢНУ

Странно обладать степнымъ зрењемъ и — внезапно очутиться въ тѣсныхъ стѣнахъ города, нелюбопытнаго, неудоумочнаго, недостроенаго, некрасиво-самовосхвальтельнаго, неумнаго, просто неумнаго. Ибо, гдѣ люди, проходя по улицамъ, смотрять и видять лишь на два аршина, это сказывается въ глуповато-напыщенномъ выражениіи ихъ лицъ, и въ ихъ невѣжливо-неуклюжихъ движенияхъ, и въ ихъ пошловато-цапающихъ глазахъ, не умѣющихъ посмотретьъ подальше, повыше, совсѣмъ въ сторону, вовсе въ высъ.

Человѣкъ со степнымъ дальномечущимъ окомъ чувствуетъ себя, въ окружениіи близкомъ грязностѣнныхъ улицъ города, угнетеннымъ, и пріютиться ему, крылатой его душѣ, совсѣмъ негдѣ. Вѣдь степная птица, — если даже когти она получила отъ Бога острые, а крылья такія, что лети за быстрымъ соколомъ, не догонишь, — все же, все же, залетѣвъ случайно въ ограниченное нагроможденіе душныхъ домовъ и злопахучихъ фабрикъ, — совсѣмъ не желаетъ пасть низринутымъ дротикомъ на такою-сякую пеструю курочку или до самопокраснѣнія расхваставшагося индѣйскаго пѣтуха, кричащаго, что онъ-онъ-онъ на заднемъ дворѣ первостепенная птица.

Совсѣмъ не такой, неуютно мнѣ во снѣ наяву приснившійся, городъ — столица Болгаріи, красивая, уютная Софія. Городъ такой же красивый, какъ лучшая части Петербурга, съ гармонической линіей крышъ, не допуска-

ющей бѣшеныхъ взлетовъ и ниспаденій, какъ видимъ въ горячечной кривой, владѣющей крыщами моей любимой столицы въ мірѣ, въ титанической и умосводящей Москвѣ. И хлѣбосольные, гостепріимные, привѣтливые Болгары, по пріѣздѣ моемъ въ Софию, пріютили меня въ превосходной гостиницѣ „Бѣлгария“, что противъ царскаго дворца и городскаго сада. Я всѣ дни свои смотрю на расцвѣты сирени и бѣлой акаци, на зелененькіе цвѣточки ясеня и крупные, бѣлые и алые цвѣты каштана, любуюсь на тюльпаны, на гвоздики, на анютины глазки. Любуюсь на царственные, обрызганные золотомъ, наряды не то крестьянокъ, не то стилизованныхъ горожанокъ, гуляющихъ по тѣнистымъ дорожкамъ парка-сада. Перестаю любоваться на такую златоцвѣтную красавицу, ибо она ужъ не гуляетъ, а сидить вдвоемъ съ какимъ-то влюбленнымъ въ нее Болгарскимъ Ромео и смотрѣть на него, какъ Юлія. Мнѣ ужъ ничего не остается, какъ перевести глаза на лиловатые гроздья глициній. Но это мнѣ кажется утомительнымъ, я выхожу изъ сада и направляюсь домой. Скоро завтракъ. Какой тамъ завтракъ! Мой Мефисто, какъ я въ шутку зову его, добрый и неутомимый мой пріятель Александръ Дм. Дзивговъ уже встрѣчаетъ меня у дверей гостиницы и говоритъ: „Какъ быть! Какъ быть? Уже и Димитровъ, и Федоровъ ждутъ васъ въ вашемъ салонѣ. Они хотятъ везти васъ въ Плевну. Но я никакъ не могу васъ сопровождать. Меня ждетъ важное дѣло...“ Младшій опекунъ старшихъ друзей совершенно взволнованъ. Я успокаиваю его. — „Дорогой Мефисто, спѣшите къ вашему дѣлу, Мы доѣдемъ до Плевны одни, шофферъ вѣдь знаетъ дорогу.“ — Да, но какъ же вы доѣдете, — вы, три поэта, и одна дама? — „Спасибо. Дерзнемъ. Три безотвѣтственные поэта — тройная смѣлость и предпріимчи-

вость. До свиданья!“ Озабоченный Дзивговъ уходитъ, а я съ моей спутницей и съ двумя поэтами, однимъ Болгарскимъ, другимъ Русскимъ, весело хохочемъ, садимся въ ждущій настъ военный автомобиль, — и лица прохожихъ, мимо которыхъ мы мчимся, выѣзжая изъ Софіи, сіяютъ и брызжутъ лучистыми вспышками въ солнечномъ майскомъ предполденьи.

Вотъ мы уже далеко въ Балканскихъ горахъ. Мы проѣзжаемъ безчисленныя пашни, всѣ такъ трудолюбиво обработанныя. Тутъ и тамъ высятся пирамидальныя тополя. Откуда ихъ столько, пирамидальныхъ тополей? Антропософы говорятъ, что это дерево уже свершило кругъ своего развитія на Землѣ и что болѣе нельзѧ нигдѣ развести рощу пирамидальныхъ тополей. А вотъ ихъ сколько здѣсь. „Они только вотъ тутъ, гдѣ мы проѣзжаемъ“, говорить мнѣ Федоровъ. „Больше ихъ не встрѣтимъ“. Онъ ошибся, хоть и многоѣздили по Болгаріи, да и вообще по всему земному простору. Мы проѣзжаемъ зеленыя поля, гдѣ дивныя гигантскія грушевыя деревья услаждаютъ любующійся глазъ, тутъ и тамъ, то отдѣльнымъ деревомъ, то цѣлымъ островомъ деревьевъ оживляя однообразіе полей. Миновали горный подъемъ и горный спускъ. И вотъ снова, молитвенными зелеными свѣтильниками, вознесшимися къ солнечному небу, красуются они — тополя, тополя, пирамидальные тополя.

Мы вѣзжаемъ въ какой-то посадъ. — „Позавтракаемъ тутъ?“ — „Ну, конечно, съ удовольствіемъ“. Мы останавливаемся у сельской харчевни. Мы заказываемъ несравненное, нигдѣ, кромѣ Болгаріи невѣдомое, кушанье изъ ягнятинъ, „мѣшано“, — такого изящества вкусности ни одинъ гастрономъ въ мірѣ не выдумалъ. Мы пьемъ жидкое, плоховатое красное вино, но намъ

такъ весело и уютно, что и оно кажется хорошимъ и вкуснымъ. Мы говоримъ другъ съ другомъ такъ открыто и прямодушно, какъ только въ гимназические или студенческие дни бывало это возможно. Крестьянинъ-хозяинъ узнаетъ какимъ-то окольнымъ путемъ, что мнѣ показываютъ Болгарію, что я „знаменитый Русский пѣсенникъ“. Что происходитъ въ его размышеніи, я не знаю, но, когда мы уже сѣли въ автомобиль, онъ подносить моей дамѣ цветы, а когда автомобиль помчался, онъ долго машаетъ рукой и кричать намъ вдогонку: „Я радъ, Шаляпинъ, что ты былъ у меня!“ И я радъ, и всѣ мы рады, что я сталъ Шаляпинъ. Это-ли не лестно? Мы весело хохочемъ.

Но вотъ мы вѣзжаемъ въ узкое горное ущелье. Справа и слѣва крутыя, зеленыя горы. Внизу гремить и поеть потокъ. Много мы обогнали или встрѣтили тяжелыхъ возовъ, везомыхъ быками, съ такими отогнутыми къ спинѣ рогами, — не быки, а буйволы, — или съ такими развѣсистыми рогами-рычагами, что только на картинахъ это зрѣлище видалъ или же въ иныхъ, въ дальнихъ путяхъ, въ заморскихъ. Много мы встрѣтили и дѣвочекъ, и мальчиковъ, и дѣвушекъ, и юношей обремененныхъ длинными свѣже-срѣзанными вѣтвями. — „Что это?“ спрашиваю я Димитрова. — „А это они готовятся къ празднику Священнаго Огня“. О, пробѣгъ Священнаго Огня, зажженаго въ празднике тысяче-лѣтія умственныхъ зорь страны! Люблю тебя за этихъ юношей, дѣвушекъ, за этихъ священныхъ дѣтей, Болгарія, — за то, что лишь ты вспомнила о необходимости для духа человѣческаго зажечь рукою старца-святителя негасимый огонь пробужденныхъ сердецъ, Священный Огонь, переброшенный отъ высей къ высямъ, отъ подвижника къ подвижнику, отъ царя къ царю.

Мы осторожно подвигаемся по залитому Солнцемъ, узкому горному пути и приближаемся къ кучкъ людей. Справа и слѣва вооруженные солдаты. Солдаты съ ружьями, а ружья со штыками. Нашъ автомобиль останавливаютъ. Я вижу, что по лицу Емануила Димитрова проскользаетъ выражение неудовольствія, а Федоровъ шутливо ухмыляется. Насъ вѣжливо вопрошаютъ, кто мы и куда ъдемъ. Димитровъ отвѣчаетъ. Его спрашиваютъ, есть ли при насъ документы. Онъ отвѣчаетъ, что нашъ автомобиль — военный, и вынимаетъ изъ кармана какую-то бумажицу. Солдатъ съ вѣжливостью, и даже учтивостью, полуобращается ко мнѣ и вопрошаєтъ: „А у нихъ?“ — „А у меня?“ отвѣчая я съ улыбкой: „Я — гость!“ Солдатъ дѣлаетъ привѣтственное и отпускающее насъ движение рукой, — и мы мчимся дальше. — „Почему, однако, насъ задержали?“ спрашиваю я Димитрова. Федоровъ хохочетъ и говоритъ за него: — „Да видишь, въ чемъ дѣло, — мы не хотѣли беспокоить тебя и Елену Константиновну. Намъ здѣсь придется ночью возвращаться, а это такое мѣсто, что здѣсь иногда спускаются съ горъ разбойники и грабятъ“. — „Ну, что жь съ насъ можно взять? Мы не боимся“. Димитровъ разъяснительно добавляетъ, что здѣсь обергаютъ линію пробѣга Священнаго Огня, чтобы она не была прервана. — „Не здѣсь-ли“, спрашиваю я, „былъ знаменитый случай съ царемъ Борисомъ?“ — „Именно здѣсь“. А знаменитый этотъ случай, какъ мнѣ рассказывали еще ранѣе, былъ таковъ. Ёдетъ въ горахъ нарядный автомобиль, въ немъ избранное общество, а править имъ нѣкій красивый шофферъ. Горные разбойники задержали автомобиль. А задержавъ и узнавъ въ шоффера Болгарскаго царя Бориса, отдали ему воинскіе знаки почитанія и, никако

кого неумѣстнаго ущерба не причинивъ, предоставили ему продолжать путь. Но царь, прежде чѣмъ уѣхать, говоритъ молодому атаману: „Бросьте вы это пустое свое дѣло. Вернитесь къ честному труду. Я вамъ въ этомъ помогу“. — „Государь“, — отвѣтилъ атаманъ, „когда къ тому, что мы дѣлаемъ, привыкъ съ пятилѣтняго возраста, трудно отъ этого отказаться“.

Зеленыя горы вдвойнѣ показались мнѣ живыми и красивыми отъ только что пережитой минуты. Мнѣ, съ моей страстью къ Испаніи, пригрезились даже Пиринеи.

Но вотъ все ближе крестный путь, когда-то приведший самоотверженныя войска Русскихъ къ Плевнѣ. То тутъ, то тамъ, на взнесенномъ уступѣ холма или горы, братскій памятникъ надъ братскою могилой. Тяжелый былъ это путь. И я не знаю въ исторіи человѣчества другого, такого величественнаго, случая, чтобы царь великой страны, опираясь на сочувствіе цѣлаго своего народа, пошелъ освобождать отъ пятисотлѣтняго ига другой изнемогшій братскій народъ. Этотъ царь для каждого Болгарскаго крестьянина и для каждого Болгарина, съ которымъ мнѣ привелось говорить, независимо отъ общественного положенія людей говорившихъ, окружены сіяніемъ благодарной памяти, и его не зовутъ въ Болгаріи иначе, какъ Царь-Освободитель, а около его изваянія, все время, пока я былъ въ Софіи, я видѣлъ свѣжіе цвѣты. Плевна! Мы, Русскія дѣти, которыхъ въ 1877-мъ году было лишь десять лѣтъ — все равно, гдѣ мы были, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, или въ маломъ провинціальномъ городкѣ, или въ лѣсной глухи, въ деревушкѣ, какъ я, — мы знали, что значитъ это слово, и на всю жизнь запомнили, жертвенной кровью скрѣпленное, братство Россіи и Болгаріи. Это братство, — сколько бы ни было въ мірѣ

иного ошибочного, — есть и было еще тысячу лѣтъ тому назадъ. Оно будетъ сіять дольше и больше, чѣмъ малая тысяча лѣтъ.

Я раскрываю сейчасъ, въ истекающемъ іюнѣ, въ закатномъ свѣтѣ не Русскаго, не Болгарскаго, а Южно-Французскаго солнца, книгу Болгарскаго поэта Н. В. Ракитина и книгу Болгарскаго поэта Е. П. Димитрова. Второго я видѣлъ каждый день — три недѣли, первого я видѣлъ только два раза — вечеромъ и утромъ въ Плевнѣ. Но развѣ же мы не родные братья? Я читаю по-Болгарски и перепѣваю, какъ умѣю, по-Русски строки Ракитина „Солнечныя люльки“.

СОЛНЕЧНЫЯ ЛЮЛЬКИ

Любви желая, ласки страстной,
Земля въ ночи дрожала, млѣла,
Взросли всѣ стебли, рой согласный,
На вѣткахъ ало, сине, бѣло.
Проснулось солнце въ ранней рани,
Глядитъ на жизнь, чья страсть — впервые,
Влюбленно жаждетъ обаяній,
Спустило люльки золотыя.
Вся земь — лелѣйность колыбели,
Любая ямка — люлька, зовы,
Отъ верха къ верху, чу, запѣли,
Горятъ вѣнчальные покровы.

Въ Болгарской я книжкѣ — или въ родной деревнѣ?
Въ душѣ такая ласка, словно сестра, которой всю жизнь
хотѣлось, но которая такъ и не пришла, вотъ, сейчасъ
около меня, ея родная рука, тихонько касается моей
щеки, и мы идемъ въ садъ.

Я читаю другое стихотвореніе, — не стихотвореніе, псаломъ, — Ракитина. И поется.

ЖРЕЦЪ

Глубокой вѣрой сердце дышетъ,
Молюсь я къ Богу, въ синь и даль,
Но небо словъ моихъ не слышитъ,
Богъ не укрылъ мою печаль.
Я полюбиль людей, какъ братій,
Искалъ въ нихъ ласки и утѣхъ,
Но только чую звукъ проклятій,
И лицемѣrie, и смѣхъ.
Замкнулся въ пѣнье, какъ въ привычку,
Поеть, влетѣла птичка въ храмъ,
И я молюсь на эту птичку,
О чемъ молюсь, — не знаю самъ.

Я читаю прославленный стихъ Димитрова „Лаура“. Мне чудится, что я вижу цѣлый сонмъ бѣлыхъ дѣвушекъ. Лунныхъ. Поблѣднѣвшихъ. Обреченныхъ. — На что? На любовь и на счастье? На служеніе жизни? Или? Или? На служеніе тѣмъ, чья жизнь истекаетъ съ каждой каплей текущаго времени, съ каждой каплей — текущей, жертвенно пролитой, крови? Той крови и юной, и горячей, что хотѣла своего счастья, а пролилась за волю и радость невѣдомаго брата, невѣдомой сестры? Безумный, прекраснѣйшій стихъ Димитрова. Невнятный для разума, понятный и четкій для сердца. Какъ вскрикъ струны. Какъ голосъ скрипки, въ которомъ смѣшились, слились и зыбятся — свѣтъ, и цвѣтъ, и уводящій звукъ, и страсть, и безкрайняя печаль.

ЛАУРА

Бѣлой розы глазокъ нераскрыты, ты бѣлая роза, Лаура...
Роза зимнихъ ночей, тѣхъ, гдѣ выюги мятелятся хмуро,
Тѣхъ, когда расцвѣтаютъ цвѣты по стеклу,
И, безлиственна, вѣтка дрожитъ, какъ теперь.
Вотъ, я бѣлою розой коснулся, сквозь мглу,
О хрустальную дверь.

— Пробудись, о, невѣста небесная сонная!
 Я коснулся преддверья слегка... Ты слегка поднимаешь вуаль,
 Говоришь: Какъ я долго ждала тебя!
 Задремала подъ бурей, что снѣжилась хмуро,
 Убѣляя всю даль!

— Твой голосъ Кремонская скрипка, Лаура.
 Когда расцвѣтаютъ цвѣты по стеклу
 И вѣтка, безлиственно, зыбясь, велитъ моему суетѣрю
 Качнуться во мглу,
 На скрипкѣ Кремонской глухой я играю предъ свѣтлою дверью
 Кличетъ даль,
 Снѣжная мчится мяtele, убѣленная...
 Ты безъ словъ опускаешь вуаль.
 — Пробудись, о, невѣста небесная сонная!

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Болгарія не могла больше выносить ненавистное Турецкое иго. Въ ней уже накопился тотъ духъ свободолюбія и жажды освобожденія, который сталъ дышать явственно и жарко не только въ Болгарскомъ народѣ и въ самотверженныхъ душахъ отдѣльныхъ самозабвенныхъ героевъ этого народа, но и по далекой, широкой, могучей братской Россіи началъ проноситься побѣдительно и властно, какъ зовъ, который не можетъ быть отринутъ. Среди смѣлыхъ Болгарскихъ юношей, и людей полныхъ мужеской силы, собою во имя Родины жертвовавшихъ, былъ, между прочимъ, одинъ изъ несчитанныхъ, одинъ изъ тысячи и тысячи, не потонувшій волею Судьбы, юный Стоянъ Заимовъ, — Туркамъ, — Турецкимъ властямъ, въ вѣткахъ привыкшимъ грабить другіе народы, и сѣдѣдать чужой хлѣбъ, и насиовать чужою волю, — ненавистный: Онъ былъ въ числѣ схваченныхъ. Онъ былъ присужденъ къ смерти. Сумѣлъ отъ смерти и отъ тюрьмы бѣжать. Предъ его глазами прошла вся кровавая война между Россіей, хотѣвшей, своюю жертвой, освободить всѣхъ Балканскихъ Славянъ, и Турцией, что съ предательской без-

человѣчной поддержкой нѣсколькихъ, такъ называемыхъ великихъ, Европейскихъ державъ, желала сохранить за собой, столѣтьями накопленную, грабительскую добычу. Тотъ самый Плѣвенъ, ту самую Плевну, что видѣла потоки Русской жертвенной крови, Стоянъ Заимовъ поклялся украсить цвѣтами и деревьями, во имя тѣхъ лучшихъ Русскихъ дѣвшукъ и женщинъ, лучшихъ Русскихъ офицеровъ и солдатъ, которые алую свою горячую кровь пролили, во имя высокаго служенія. И вотъ, своими руками, Стоянъ Заимовъ на холмахъ, гдѣ была рѣзня, и болѣзнь, и ужасъ, и смерть, разбилъ-раскинулъ-выrostилъ цвѣтокъ близъ вѣтка, дерево близъ дерева, садъ надъ садомъ. Такого сада надъ садомъ, такого вѣнчанія жертвенной смерти цвѣтущей жизнью я не видѣлъ нигдѣ, никогда, — только въ Плевнѣ. Въ лучахъ предзакатнаго Солнца, мы вошли въ этотъ соловинный садъ, въ это царство садовъ. Мы проходимъ по аллеямъ, а надъ нами, нась ни мало не боясь и словно не чувствуя, или чувствуя нась родными себѣ, гремятъ соловьи. Да, не звенять, а гремятъ, — такъ ихъ тамъ много, и такъ имъ привольно тамъ. Сколько тутъ алыхъ, и бѣлыхъ, и синихъ, и желтыхъ цвѣтовъ. Но ихъ можно, быть можетъ, счасть. А тѣ бѣлые розы, что раскрылись на мигъ или вовсе раскрыться не успѣли, а безъ словъ опустили вуаль, тѣ невѣсты небесныя, что спятъ на высотахъ Плевны сномъ уже непробудимъ, — сколько ихъ? Въ этихъ садахъ, что красивый хозяинъ ихъ назвалъ Исполнившейся Мечтой, — не имѣли, не только-ли для нихъ, поуть такъ громко и самозабвенно, въ майскомъ душистомъ воздухѣ, крылатые трубадуры соловьи?

Мы не хотимъ утомлять хозяина. Съ нимъ поговоривъ, имъ угоженные, мы торопимся уйти. Но онъ удерживаетъ насъ. — „Вы мои плѣнники, вы у меня въ

плѣну", говоритъ онъ, съ ласковой и таинственной улыбкой. Мы сидимъ съ нимъ. Мы потомъ отправляемся къ намъ въ гостиницу ужинать вмѣстѣ, и проводимъ вмѣстѣ вечеръ, быстро смѣняющейся ночью. Я поднимаю бокаль за Стояна Заимова: „Пью эту алуу влагу — за юношу 80-ти лѣтъ!", говорю я. И всѣ пьютъ съ нимъ и со мной. И каждый изъ нась кажется менѣе стройнымъ, и менѣе красивымъ, и менѣе молодымъ, чѣмъ онъ. А онъ, усмѣхнувшись, пристально смотрѣтъ на меня и говоритъ братски-шутливо: „А я пью за ворователя сердецъ!" Кажется, все въ этомъ сильномъ человѣкѣ дышетъ жизнью. Но, когда я ему выскаживаю это, мнѣ становится жутко, отъ спокойнаго духа Пустыни который заговорилъ черезъ него: „Я живъ, я живу слишкомъ долго. Я прожилъ уже миллионы лѣтъ. Я, пережилъ все, что только можно пережить въ жизни".

Какъ мнѣ близокъ и дорогъ этотъ сильный, прекрасный человѣкъ, избравшій въ жизни, какъ и я растеніе, дерево, цвѣтокъ своимъ девизомъ, своимъ знаменемъ, своимъ голосомъ — надъ человѣческимъ — въ Вѣчность.

Мы засидѣлись и не могли уже вернуться въ ту ночь въ Софию. Мы провели ночь въ Плевнѣ. И, засыпая, я думалъ о тѣхъ Русскихъ дѣвушкахъ, что погибли когда-то, совсѣмъ близко, гдѣ-то вотъ тутъ. И я думалъ о странномъ Стоянѣ Заимовѣ, захотѣвшемъ подарить этимъ дѣвушкамъ, которыхъ онъ, можетъ быть, не зналъ, столько цвѣтовъ и соловыиныхъ пѣсенъ. И въ памяти моей неотступно кружились, пламенно-страстная и полныя рыданія скрипки, строки лучшаго лирика Чехіи, Антона Савы, въ прошломъ году уснувшаго навсегда: —

ПѢСНЯ

То была ночь горячая, осенью, листъ — какъ изъ золота
кованный,
Точно лѣто, на часъ запоздавши, прошло стороной
И глядѣло изъ далей, кто въ домъ тамъ зашелъ, зачарованный,
Цѣловаться съ младою женой.
Сколько чувствъ молодыхъ по веснѣ благованными розами
встрѣтились,
Сколько ихъ, что обломками пали потомъ,
Сколько ихъ, постарѣвъ, словно трауромъ мудрымъ, отмѣтились,
Все познавшимъ, оторваннымъ, блеклымъ листомъ.
А когда кто остался одинъ, съ пожелтѣвшими, чахлыми травами,
Есть-ли сила въ немъ вылечить боль, сожалѣнія, бредъ?
Кто оторванъ, но съ тѣми же чувствами, въ осень не ржавыми,
Какъ бы взялъ онъ лицомъ поцѣлуи, которыхъ ужъ нѣтъ!
Кто найдетъ въ себѣ снова одно, что, быть можетъ, найдется,
пѣвучее,
Что для жизни и смерти хватило бъ, какъ спѣвшійся полно-
стью стихъ?

То была ночь горячая, осень послѣднія розы пахучія
Всѣ измѣла въ заломленныхъ пальцахъ своихъ.

Le Bouscat, Gironde, 11, rue Lorta.
1929. 23 июня.

ЕМАНУИЛЬ П. ДИМИТРОВЪ

Среди современныхъ Болгарскихъ поэтовъ, сказавшихъ свое напѣвное слово за послѣднія два десятилѣтія, Емануиль Димитровъ кажется мнѣ наиболѣе непосредственнымъ, непроизвольно-пѣвучимъ и тонко-чувствительнымъ, какъ свѣже раскрывшійся весенний цвѣтокъ. Онъ не напрасно изучалъ Болгарскую народную поэзію и поэтическое творчество Русскаго словеснаго художества, въ ликѣ символизма. Онъ чистый лирикъ, но въ кажущейся простотѣ своихъ стиховъ онъ всегда сложенъ и утонченъ. Выростивъ много растеній въ своемъ саду, умѣло подобравъ, при посадкѣ растеній, различную красочность возможныхъ расцвѣтовъ, онъ уже не будетъ, неумѣстнымъ прикосновеніемъ руки къ растенію, торопить его ростъ или ускорять время расцвѣта. Нѣть, онъ знаетъ, что цвѣты любятъ раскрываться сами и раскрываются всегда во время и неповрежденно, если дать имъ дождаться и срока, и мига, и должнаго количества пасмурныхъ дней, съ дождемъ, орошающимъ тайную работу корней, и должностной смѣны сѣрыхъ дней съ яркими, жаркими, чаровническими, солнечными.

Различные литературные цѣнители, въ разныхъ Болгарскихъ газетахъ и журналахъ, часто дословно сходятся въ оцѣнкѣ свойствъ этого поэта. „Средневѣковой рапсодъ“, говорить о немъ Теодоръ Траяновъ. „Поэтъ въ наивысшемъ смыслѣ слова, чье творчество бьетъ родникомъ самопроизвольнымъ“, говорить Николай Дончевъ. „Онъ бросилъ на Болгарскій брегъ возрождающую волну

новой поэзіи“, говорить Иванъ Радославовъ. „Нѣжнѣйшій и задушевнѣйшій лирикъ“, говорить Людмила Стояновъ. И другіе говорятъ: „Моцартовское начало, пламя вѣчнаго поэта-вѣстника красоты“ (Василь Пундевъ), — „краснорѣчивый трубадуръ“ (Ат. Величковъ), „радованье женщины, присущее трубадуру“ (Б. Савовъ). Чистый лирикъ — цвѣтокъ и вскликтъ пѣвчей птицы. Цвѣтокъ — Божье дитя, и пѣвчая птица есть радость Господня на земль. Таковъ Емануиль Димитровъ.

Торопливо, жадно пробѣжалъ двѣ книги Болгарскаго поэта, „Предъ дверитѣ на любимата“ („Передъ дверьми любимой“), Софія, 1917, и „Златна жетва“ („Золотая жатва“), Софія, 1928, я сразу нахожу пригоршню цвѣтистыхъ раковинъ, въ которыя дунь, — и запоетъ Море, я вдыхаю запахъ свѣжихъ цвѣтовъ, надъ ними лишь наклонясь, — и вспомнишь, черезъ чужое, Родное, свое. Да и вдругъ почувствуешь, что, если ты способенъ на братство съ цвѣткомъ, такъ духъ твой и въ Индіи сейчасъ же будетъ, съ наилучшими духами этой сказочной страны.

СОЗВУЧІЯ

Я люблю степнія шири, травъ лазурныя моря,
Я люблю членокъ, скользящій черезъ бурныя моря,
Я люблю вершины, выси, гдѣ и лѣтомъ свѣтить ледъ,
Я люблю зимы снѣжистость, степь, безбрежность, синій ледъ.
Я люблю колосья нивы: рожь — разлитый водный путь,
Ночь блаженную, гдѣ въ высахъ вѣчно плещеть Млечный путь.

ВѢНЧАНІЕ

Солнце, Сурья, лучъ въ цвѣты,
Ты есть я, и я есмь ты!
Ты есть пѣсня, я есмь слово,
Земь я, сводъ ты голубой!
Если буду въ жизни снова,
Буду вѣчно я съ тобой!

Мнѣ хочется привести здѣсь маленькое, еще не напечатанное, мое стихотвореніе, написанное полтора года тому назадъ, въ первый весенній день февраля. Димитровъ не зналъ этихъ моихъ строкъ, когда писалъ свое шестистишие къ Солнцу, — я не зналъ строкъ Димитрова полтора года тому назадъ, когда писалъ свое шестистишие.

БОГЪ И Я

Богъ и я! Насъ только двое
Въ царствѣ сновъ, лѣсовъ, пустынь.
И, дрожащій звукъ въ гобоѣ,
Взлеть подъ небо голубое,
Сердце мнѣ раскрылъ слѣпое.
Сердце видитъ міръ. Аминь!

Ночной дождь бываетъ похожъ на сердечныя слезы, а утромъ отъ него раскрываются цветы, что разныемъ сердцамъ нашептываютъ подобныя слова. Вотъ три стихотворенія Димитрова, которая внѣ какой либо связи преемственной, а если даже такую связь и почувствуешь, все же совсѣмъ самостоятельныя, а мнѣ они любы— какъ совершенныя строки Фета.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Въ вазѣ тихіе цветы
Ткуть душистыя мечты: —
Сердцемъ, явственно, впервые,
Страсть премля, лаской дышутъ.
Зыбясь, капли дождевыя
По листкамъ поэмы пишутъ.

ДОЖДЬ

Плещеть дождь и клонить вѣтки
Шепчетъ къ миру: „Сплю! Уснемъ!“
И, какъ влажныя бесѣдки,
Ивы дремлютъ подъ дождемъ.

ЗОРЯ

Шепчетъ тополь рѣчью связной.
Кто пойметъ когда-нибудь?
Мѣсяцъ чистый и алмазный
Входить въ омутъ, чтобы уснуть.

Я ловлю себя на передачѣ этого послѣднаго стихотворенія и говорю: Это перепѣвъ, но не переводъ. Да будетъ такъ. А вотъ и переводъ: —

ЗОРЯ

Шепчетъ тополь тонколистый,
Звѣзды гаснуть въ мирный часъ.
Весь алмазный, мѣсяцъ чистый
Входить въ омутъ, какъ алмазъ.

И дабы показать, какъ близко къ подлиннику можно передать самое трудное и сложное стихотвореніе, когда эту сложность чужого, но близкаго сердцу, языка любишь, я предлагаю любому поэту, знающему Болгарскій языкъ, взять прославленное пѣснопѣніе Емануила Димитрова „Буря“ („Предъ дверитѣ на любимата“, стр. 88-я) и завлечься мыслью по-истинѣ завлекательной: Передавать въ звучныхъ Русскихъ строкахъ звучныя строки Болгарскихъ поэтовъ и тѣмъ скрѣплять вѣ-едини, золотыми звеньями, сердца двухъ Странъ-Сестеръ, чье будущее — Лучезарное Завтра. Мой переводъ.

БУРЯ

Туда! Отъ песчаныхъ, отъ дюнъ полетѣла душа, словно птица,
Гдѣ вѣтры свирѣлятъ, гдѣ мачты поютъ и свиститъ вышина,
Гдѣ къ битвѣ морской разверзается парусъ, бѣлѣеть бой-ница,
Запѣла сирена, и брызгами слезъ издышилась волна.
Тамъ чайки — расцвѣты магнолій — всѣ въ пѣнѣ, обрызганны бурей,
Стозубыя волны, стократно, съ насокомъ бѣгутъ на маякъ,

Тамъ алчетъ зеленая бездна до свѣтлой вѣдритъся лазури,
Вся водная пѣсня — разытый, несчетный, возжаждавшій
зракъ.

Сверкнутъ шишаки и на шлемахъ развѣются буйныя гривы,
Тамъ темныя воинства бездну прорвутъ и укроются въ
срывъ,
Дождями, вѣтрами, на приступъ, твердыни и хмуры, и сивы,
А пиніи плачутъ на брегѣ, обятія кротко раскрывъ.

Емануиль Димитровъ — поэтъ нѣжности и тонкаго внутренняго зрењія, по преимуществу. Но глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что поэты такого лика не располагаютъ художественною мощью. Стихъ Димитрова „Буря“, его магически проникновенный стихъ „Лаура“ и „Нива“, великолѣпная запѣвка новой его книги, „Златни ниви и бойни полета“, „Золотыя нивы и боевые поля“, ясно указываютъ, что сладкозвучный трубадуръ, владѣющій лютней и кремонскою скрипкой, можетъ далеко послать свой гудъ, приложивъ къ губамъ длинный изогнутый рогъ. „Нива“, истинно Болгарскій стихъ, становится вровень съ Эллинской красотой, заставляетъ вспомнить „Труды и дни“ Гезіода.

НИВА

Вся жизнь наша — нива: Блаженъ благодатно,
Кто, рано проснувшись, могучей десницей,
Исторгнетъ и выполетъ плевель негодный
И свѣтомъ лезвійнымъ широко растворить
Ея плодородная, влажная нѣдра,
Златую посѣть въ то лоно пшеницу,
Съ любовью, съ надеждой и съ вѣрой уронить
Ядреная зерна, подъ зимнія бури,
Подъ лѣтніе вихри, домыслить, дождется,
Увидеть, какъ медленнымъ сочнымъ наливомъ
Зерно всколосится, и въ снѣжнемъ покровѣ
Зеленый возникнетъ узорчатый колось,
Какъ стебли окрѣпнутъ и станутъ упруги,
И жито цвѣтетъ, разлелѣлось море,
Пьеть нѣжныя росы, юльское жженѣе

Въ него наливаетъ медвяное злато,
Качается, клонится колось тяжелый
И зрееть, и ждетъ, чтобы серпъ его срѣзалъ.
Блаженъ, кто и отдыха даже не знаетъ,
Ярмо на волдовъ надѣваетъ съ зарею,
Тугіе снопы громоздить на телѣгу,
И послѣ, довольный, къ гумну подѣлзкая,
Скирды воздымаетъ до неба высоко.
Придеть молотьба, и тяжелымъ копытомъ
Идутъ вороные, ступаютъ по току,
И топчутъ солому. А подъ-вечеръ глянь-ка,
Вознесся ометъ, — не отвѣяно жито,
И вѣтеръ подуетъ-ли съ запада тихо,
Лопата взметнетъ полновѣсныя зерна,
Плева отъ него отлетаетъ мгновенно,
Червонная стелется долу пшеница.
Отмѣритъ хозяинъ глубоко мѣрай,
Возьметъ четверикъ, умолота начатки,
На старую мельницу близко дорога,
Тамъ гѣнныя брызги, хрустѣнья и гулы,
Тугое зерно стало мягкой мукою.
Хозяйка заботливо тѣсто замѣсить,
И квасу прибавить, чтобы было что выпить,
Чтобъ слаше куснуть испеченаго хлѣба.
Частицу въ квашнѣ отдѣлить она тѣста,
И крестъ изъ него надъ воротамиставить,
Подъ тѣнью креста чтобы домъ возносился.
Доволенъ хозяинъ, что полны амбары,
Готовы запасы на годъ полно счетный,
А послѣ береть онъ отъ чистаго жита,
Отборъ просѣвать для будущей пашни.
И сѣть, и жнеть онъ, молотить и вѣтеть,
И снова онъ жнеть, чтобы жать и чтобы сѣять.
Какъ въ жизни, и здѣсь неизмѣнность закона; —
Посѣвы и жатва, за жатвой посѣвы,
И такъ до предѣла, до самаго края.
И вѣчны въ просторахъ земли, и безсмертны
И трудъ, и любовь, и горѣніе жизни.

Капбретонъ. 1829. 25 дек.

НИК. В. РАКИТИНЪ

ЗИМА ПРИ ВИТЬ. — ПРОЛЪТЬ ПРИ ВИТЬ. —
СЛЪНЧЕВИ ЛЮЛКИ

Поэтъ прозрачныхъ стиховъ, непосредственныхъ, какъ вѣяніе вѣтра, пробившійся изъ темной глыбы земли зеленый ростокъ, хрустъ снѣга подъ ногами одинокаго путника и безглагольнорѣчивое мерцаніе звѣздъ. Н. В. Ракитинъ живеть не въ Софіи, не въ столичномъ воздухѣ, гдѣ поэту легко полюбить внѣшнія прикрасы стиха и комнатный строй ощущеній. Онъ живеть въ Плевнѣ, въ мѣстечкѣ совершенно деревенскомъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землей и съ тихимъ открытымъ небомъ, на которомъ Солнце не заслонено зданіями, а звѣзды не ослаблены въ звѣздномъ своемъ свѣтловольномъ великолѣпіи выдыханіями города. И звѣздное небо ему раскрывается.

Какъ раскрывавшаяся книга,
Небо въ звѣздахъ надо мной.
Съ духа падаетъ верига,
Упоенъ я тишиной.

Гдѣ начало? Гдѣ предѣлы?
Рдѣть звѣздный океанъ.
И горить цвѣтокъ тамъ бѣлый,
И цвѣтовъ тамъ цѣлый станъ.

Дышетъ макъ, и повсемѣстно
Вдругъ левкоевъ млѣтъ мгла,
Звѣздозернъ — ей тамъ не тѣсно —
Расцвѣтаетъ безъ числа.

Ракитинъ — учитель. Онъ всегда окружень первоутренними лицами дѣтей и юношь. Онъ черпаетъ въ первыхъ движеніяхъ свѣжаго чувства и неопытной мысли, что, какъ весенніе побѣги, какъ первые ростки, ищетъ выхода изъ земной мглы къ воздуху, гдѣ воля, золото и синь, — всегда онъ почерпаетъ свѣжестъ новаго вдохновенія. Геніальный Польскій поэтъ Янъ Касповичъ незадолго передъ смертью написалъ замѣчательную книгу, лучшую изъ всего имъ написанного. „Книгу Смиренныхъ“. Запѣвка этой книги гласитъ:

Полюбила душа моя, любить,
Тихій шелестъ деревъ,
Когда ихъ вершины качаѣтъ,
Другъ мой, вѣтеръ, запѣвъ.

Полюбила душа моя, любить.
Волнъ голосистую сталь,
Когда, другъ мой, буря взмететъ ихъ,
Уходящихъ въ безвѣстную даль.

Полюбила душа моя, любить,
Сиянія творческихъ зорь,
Когда, другъ мой, солнце, имъ въ мірѣ
Молвить: „Съ мраками спорь!“

Полюбила душа моя, любить
Пропастной ночи размахъ,
Когда, другъ мой, смерть, на охоту
Летить, а предъ нею страхъ.

Болгарскій поэтъ, такъ же, какъ Польскій, близко знающій радости и тревоги пахаря и виноградаря, поетъ „Пѣсень о хлѣбномъ зернѣ“

Бѣдное хлѣбное зернышко,
Хочется пить ему солнышко.

Матушка-земль, въ тонкой риѣ оно, —
Не выпускай его, здѣсь студено.

Стрѣха шуршитъ, вся пробитая,
Стужа повсюду налитая.
Зимка-сестричка пряла не пряла,
Пусть здѣсь холстина лежитъ, тяжела.
Долгая ночь безглагольная,
Если безъ друга, такъ боязно.
Вѣтеръ-братишко, его навѣщай,
Присказки-сказки запой, напѣвай.

Если бы Францискъ Ассизскій прочелъ строки Каспровича, онъ навѣрно бы улыбнулся благоволительно. Но кажется мнѣ, что онъ, радовавшійся на цикаду, когда она пѣла на его ладони, улыбнулся бы еще ласковѣе, прочтя строки Ракитина. Католическій святой, пожалуй, наилучшій изъ Итальянскихъ святыхъ, онъ бы порадовался также на совсѣмъ нашъ, Сѣверный, православный стихъ Ракитина „Коляда“.

Раскрылись въ небѣ, озарились двери,
Средь звѣздъ вверху цвѣтеть съ звѣздой звѣзда,
Ты, отчій домъ, пристанище въ потерѣ,
Бальзамъ отъ ранъ, уснувшая бѣда.

Чрезъ вихри выюжныхъ хлопій, снѣжныхъ взвитій,
Черезъ Морозъ, что жалитъ глазъ и бровь,
Дружины колядующихъ, идите,
Васъ въ каждый дворъ и домъ ведеть любовь.

Посланники изъ царства, что далече,
Непознано. Они благословятъ
Ту трапезу, при коей добры рѣчи,
И въ насы тотъ часъ благословень и святъ.

Молитва, въ чьихъ словахъ любви зачатье,
Духъ, окрылись и въ свѣтъ себя одѣнь, —
Родился онъ, идетъ, о, сестры, братья,
Любви и правды братски-свѣтлый день.

Лирика Болгарского поэта, возлюбившаго свою родную землю и непрерывное соприкосновеніе съ природой, чрезвычайно близка Русскому воспріятію, и лучшіе стихи Ракитина стоять вровень съ Русской лирикой, которую я считаю наилучшей на землѣ. Съ Русской лирикой можетъ соперничать лишь Англійская. Но, если Англійская нерѣдко болѣе духовна и воздушна, Русская, несомнѣнно, болѣе сердечна и несравненно болѣе напѣвна. Въ Русской лирикѣ — очарованіе прямого взгляда Славянки, безоглядность души, просторъ, внезапное прикосновеніе къ лицу, расцвѣтшій и качнувшейся подъ вѣтромъ вѣтки.

Нѣчто изъ указываемыхъ мною чарованій явственно слышно въ строкахъ Ракитина „Сани“.

Сани мчатся, близъ меня промчались звонно,
Сколько солнца за бѣлѣющимъ холмомъ!
Вдругъ проснулось, что въ душѣ дремало сонно,
Бубенецъ вдали пропѣлъ за бубенцомъ.
Манять бѣлые разытые просторы.
Сонмы солнцъ въ снѣгахъ нашли себѣ пріютъ.
О, какъ тихо! Тиши слышишь, чѣмъ разговоры,
И въ душѣ моей бубенчики поютъ.

Съ чисто-Славянскимъ противопоставленіемъ одного чувства другому, прямо противоположному, Ракитинъ, любящій отъ единеніе, знающій, что лишь въ пустынномъ одиночествѣ расцвѣтаютъ внутри души цвѣты необычайные, восклицаетъ и въ одной пѣснѣ: „Мнѣ нравится безлюдіе полей — и ласка отъ него въ душѣ моей — во всякий сонъ, окутавшій меня — безкрайность свѣтить солнечного дня“. И онъ же такъ мучается одиночествомъ, что, когда онъ слышитъ улетающихъ журавлей, когда онъ охваченъ дуновеніемъ предзимья, перевозимья, его стихъ превращается въ панихидный вопль.

* * *

Журавли пролетали на югъ
По безкрайности синей небесъ,
И прощальный рыдающій звукъ,
По полямъ разливаясь, исчезъ.

И надъ сердцемъ свинцово повисли
Дуновенія будущихъ льдинъ,
Остудились всѣ чувства и мысли,
И на цѣломъ я свѣтѣ одинъ.

* * *

Въ утро позднее, просторъ свой бѣлый для,
Остудилась безблагольная земля.

Леденился, скжато, сцѣплено лицо,
Руки мертвы, дымно-матово кольцо.

На челѣ, пріявшемъ дунувшій морозъ,
Прядь темнѣетъ распустившихся волосъ.

Одиночихъ ивъ, лишенный листьевъ, рой
Клонить вѣтки съ панихидною мольбой.

Стали ангелы, и хоръ поетъ, незримъ: —
„Научи мя оправданіемъ твоимъ“.

Благая душа у Болгарского поэта, и, какъ многое въ Болгаріи, Русскому сердцу близка эта поэтическая душа. Немногословенъ Ракитинъ, но безъ всякихъ словъ мы встрѣтились въ Плевнѣ и простились на другой день — какъ друзья. Когда я и мои спутники, мы уѣзжали изъ Плевны, въ ясное утро, намъ на дорогу Ракитинъ подарилъ двѣ бутылки бѣлаго вина — изъ своего винограда. И не было то вино щегольскимъ и сладкимъ, какъ Французскій сотэрнъ, а выпили мы его среди Балканскихъ горъ съ утолительнымъ наслажденiemъ. Безпримѣсное, безъ пряностей, доброе виногра-

дное вино, дающее чувствовать, какъ Испанскія вина, ту почву, на которой выросъ виноградъ. И, вспоминая нѣсколько суровую сдержанность Ракитина, я вдвойнѣ чувствую, какъ красива, въ самоочерченной сдержанности, душевная страсть, прорывающаяся въ двухъ послѣднихъ строкахъ удивительного его пѣснопѣнія „Вечерній звонъ“.

Вечерній звонъ. Какъ тихо все и свято.
Зеленый міръ — какъ храмовое зданье.
И солнце льетъ передъ закатомъ злато
Давнишняго какъ бы воспоминанья.

Межъ смертію и жизнью часъ тотъ страненъ,
Упала тѣнь, плыветь въ просторѣ храма,
Звонъ колокола набожно-желаненъ,
Какъ свѣчи, стебли смотрять въ небо прямо.

Внимаетъ небо, багрянѣя низко,
И духъ поетъ, безбрежно, непреложно,
Что счастье тутъ — что наше счастье близко,
Что на землѣ — что здѣсь оно возможно.

Капбретонъ. 1929. 17-18 авг.

НИКОЛАЙ ЛИЛИЕВЪ

Въ ряду наиболѣе выдающихся представителей современной Болгарской поэзіи, Николай Лиліевъ является утонченнымъ художникомъ-импрессіонистомъ. Двѣ его книги, „Лунни петна“ („Лунные пятна“,) и „Птици въ ноцьта“, („Птицы въ ночи“), прекрасные образцы поэзіи-музыки. Лиліевъ не описатель въ нихъ, онъ изящный виртуозъ, и строки его, легко укладывающіяся въ Русскій переводъ, роднятъ его съ Русскими поэтами 90-хъ и 900-хъ годовъ и съ тончайшей лирикой Верлена. Ближе всего онъ, однако, именно къ Русскимъ поэтамъ, взявшимъ за основоположеніе своего художественного творчества музыку, какъ истинный и достовѣрный ключъ духовнаго угаданія и прозрѣнія. Четыре предлагаемыя стихотворенія Николая Лиліева сплетены изъ луннаго свѣта, струнной напѣвности и трепета души, пронизанной ясновидѣніемъ духа.

ПОЛЕ ГЛУХОЕ

Поле глухое,
Миръ и тишина,
Поле глухое,
Бѣлая луна.
Въ городѣ дальнемъ
Таетъ поздній звонъ,
Въ городѣ дальнемъ
Легкій лѣтній сонъ.
Лѣсь голубѣеть,
Кто-то кличетъ вновь,
Лѣсь голубѣеть,
Младость и любовь.

Живъ я и помню,
Было, ну и пусть,
Живъ я и помню
Минувшую грусть.

ВЕЧЕРЪ

Вечеръ прозрачный, и вдругъ,
Въ стаю сокнутая птицы
Правятъ дорогу на югъ.

Словно сребрятся криницы,
Къ югу уносятся птицы.

Въ вечеръ раннемъ слѣжу
Этотъ полетъ уводящій,
Борозду эту, межу.

Въ зыбкій полетъ уводящій,
Влился и духъ мой грустящій.

Что мнѣ осталось? Безъ сна,
Я притаился въ печали,
Вотъ пролетить ихъ волна.

Что мнѣ осталось? Въ печали
Видѣть пустынныя дали.

СЕРЕБРЯННАЯ ЛІНІИ

Скользять серебрянныя лініи
Въ морской взметеной глубинѣ, —
Луна-ли пала въ бездны синія,
Душа-ли тонетъ тамъ на днѣ?

Скользять серебрянныя лініи.
Не проблеснутъ высоты синія
Сквозь чащу облачныхъ завѣсъ, —
Луна есть мертвая Виргинія,
Душа — заснувшій мертвый лѣсь.

Скользять серебрянныя лініи.

ВЪ ДАЛЕКОЙ СТЕПИ

Въ далекой, все снова,
 Въ забытой степи прохожу бесконечно,
 Безъ слова
 О томъ, что такъ горестно мнѣ,
 И что беспокойно въ сердечной
 Цвѣтеть глубинѣ.
 Блуждаю,
 Бездомная птица, безкрайность — дорога,
 Не знаю,
 Въ какой вдохновенной землѣ
 Мечты досягають до Бога.
 А сумрачный вечеръ — студено и строго —
 Въ безшумную ночь перелился во мглѣ.

Буска. 1929. 19 июля.

ИЗЪ ИВАНА ВАЗОВА

РОССІЯ

Россія! Какъ нась это имя
 Плѣняетъ, милое, родное!
 Она лучами огневыми
 Свѣтила въ горе наше злое!

Она нась вспомнила, когда мы
 Забыты были, чуждъ весь свѣтъ.
 Любовь, цвѣтокъ надъ краемъ ямы,
 Забота, ласка и завѣтъ.

Россія! Ширь, въ вѣкахъ и нынѣ,
 Размахъ ты, съ мощью разливной!
 Ты схожа съ небомъ, съ бездной синей,
 И только съ Русскою душой!

ВЕЧЕРНИЙ ЧАСЪ

Вотъ онъ, вечерній часъ,
 Огненный взблескъ устремляеть на нась
 Взглядъ свой послѣдній, привѣтъ въ немъ, улыбка,
 Ищетъ природа покоя, все зыбко,
 Нѣга, истома, всей страсти разсказъ.
 Это вечерній часъ.

Вѣтра чутъ вѣютъ разливы;
 Шопоты въ листьяхъ волшебно-стыдливы.
 Рѣчи таинственны, сладки мечты.
 Словно влюбленные я здѣсь и ты,
 И надъ вселеною, полусонливы.
 Вѣтра чутъ вѣютъ разливы.

Все ускользает за край.
 Молкнуть и вѣты, и пѣсни, и лай.
 Только журчитъ ручеекъ, какъ струнами,
 Тамъ подъ нависшими смутно вѣтвями.
 Звѣздное небо — въ безмолвіи рай.
 Все ускользает за край.

Миръ облекло обаянье.
 Лѣсъ безглаголенъ и въ полѣ молчанье.
 Ангелъ незримый въ надземномъ плыветъ.
 Сонъ съ нимъ, и ширь съ нимъ, услада, полетъ,
 Все перелилось въ одно здѣсь дыханье: —
 Миръ облекло обаянье.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫКЪ

Языкъ священный предѣловъ моихъ,
 Языкъ терзаній, стоновъ вѣковыхъ,
 Языкъ дѣтей, чье скорбное рожденье
 Не радость возвѣщаетъ, ядъ мученья.
 Языкъ прекрасный, въ полной силѣ встань,
 Тебѣ-ли не бросаютъ всюду брань?
 А вслушался-ли кто, что въ этомъ сѣвѣ?
 Есть шопотъ нивъ и сладкій звукъ въ напѣвѣ?

Кто вникъ-ли, какъ въ тебѣ играетъ мошь,
 И эта рѣчъ — какъ гулкій звонкій дождь?
 Какъ плескъ здѣсь бьется, блескъ переливая?
 Какая выразительность живая?

Отъ дѣтскихъ дней люба мнѣ звучность та,
 И пусть надъ ней нависла клевета,
 Она моимъ пребудетъ вдохновенiemъ,
 Въ грядущемъ грянетъ эхо звучнымъ пѣньемъ.

Капбретонъ. 1929. 8 sept.

ПѢСНИ ЖЕНСКОЙ ЛЮБВІ

Пѣсни женской любви? Это мы, трубадуры, споемъ ихъ. Развѣ женщина, дѣвушка, могутъ пропѣть что-нибудь о женской любви?

Пѣсни женской любви знаютъ, все же, и женскую пѣсню о женскомъ чувствѣ и о женской любви. У насъ въ Россія была Юлія Жадовская, и это она пропѣла замѣчательныя строки о томъ, какъ нѣкій онъ идетъ за ней, и, если мои полуѣтскія воспоминанія не измѣняютъ мнѣ, весь стихъ этотъ изъ 8-и строкъ, а послѣднія строки гласятъ: —

Такъ идетъ, смотря тревожно,
 Затаивъ невольный страхъ,
 Рабъ, ступая осторожно,
 Съ чашей полною въ рукахъ.

Тутъ хорошо, конечно, лишь противопоставленіе: Мужчина — рабъ, женщина — владычица. Просто и ясно. Этотъ рабъ, ступающій осторожно за владычицей, съ полной чашею вина, которое выпить совсѣмъ не онъ, руководилъ всей моей застѣнчиво-страстной юностью. Немного позднѣе, полюбилъ я Каролину Павлову, и она, конечно, много сильнѣе Жадовской. Но о женской любви у нея трудно что-либо найти. Сама она, — предметъ любви многихъ избранныхъ мужчинъ, — задыхалась и отъ невозможности полюбить кого-либо, и отъ невластности что-либо сказать о женской любви. Лишь стихъ ея объ огнѣ и его злой ворожбѣ останется въ Русской поэзіи. Потомъ, хорошіе стихи писала Зинаида Гиппіусъ, въ

нихъ была прелестъ геометріи и тригонометріи съ правильными линіями и чуть-чутоной женственностью: „Окно мое высоко надъ землею, высоко надъ землею... Хочу я того, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ.“ Жеманно, но въ устахъ красивой дѣвушки-женщины, съ длинными, русыми косами и съ лицомъ Скандинавки, брошенной викингами, за ненадобностью, на невѣдомомъ берегу, нѣсколько дѣйствовало. Гораздо сильнѣе и прекраснѣе — какъ женскій поэтический ликъ — Мирра Лохвицкая. Она вся — женственность и страсть. Ея влюбленаость въ знойную пустыню, съ ея страстными чарованіями, заставляетъ вспомнить лучшія страницы любовной лирики Библіи и Арабскихъ народныхъ пѣсенъ. — „Я жажду губъ твоихъ!“ — И вся она, съ ея страстью къ страсти, съ ея Восточной лѣнивостью и чувственностью плѣнительной, думаю я, лучшая Русская поэтесса женской любви. Близки къ народной пѣснѣ напряженныя строки Марины Цвѣтаевой о любимомъ, кого никому не отдасть. Послѣ нея, Анна Ахматова немножко напоминаетъ З. Гиппіусъ, немножко М. Лохвицкую. Это ужь розыгрышь словъ о женской любви въ поэзіи.

Однако, я вовсе говорю сейчасъ не о нихъ. Есть пѣсни женской любви древнѣй и насколько лучше. Японскія танки и хокку, любовная пятистрочія и троестрочія эпохи Нары, когда Японки научили Японцевъ пѣть краткія пѣсни и запретили имъ подражать, болѣе сильнымъ тогда въ поэзіи, Китайцамъ. Ихъ пѣсни — совершенство.

Но я не о нихъ хочу говорить сейчасъ.

Есть и древнѣе. Сафо. Кто же не знаетъ ея страстного стиха, что ночь проходитъ, а я одна. И другіе ея стихи, они изучены всѣми, кто любить красоту Эллинского слова, съ его извилистостью. Можно-ли не вспомнить, какъ пѣсню женского сердца: —

Сладкій яблокъ краснѣеть — тамъ, на верхушкѣ, вдали,
Сверху, на вѣткѣ верхней: Рвали-срывали-забыли,
И не забыли, пожалуй, а просто достать не могли.

(„Зовы древности“, Сафо).

Но, если безсмертны другія строки Сафо: —

Зашла Луна,
Зашли Плеяды,
Часть позднѣй ночи,
Уходить время,
А я одна, —

то не безсмертнѣй-ли, менѣе опредѣленныя, строки Японской танки, — конечно, или написанной Японкою, или ею внущенной: —

Ночь бесконечна
Для одинокихъ.
Она длиннѣе,
Чѣмъ хвостъ фазана,
Когда летитъ онъ.

Мнѣ кажется, что Японское, Монгольское вдохновеніе тутъ изящнѣй и умнѣе, чѣмъ наше Арійское, Эллинское. Не говоря прямо, оно говоритъ больше, чѣмъ можно сказать.

Но я не обѣ этихъ пѣсняхъ женской любви говорю сейчасъ.

Вѣдь есть же нѣчто и еще много древнѣе и Японцевъ, и Эллады, священный Египетъ. Ужь скажемъ, что есть же папирусъ Лондонскій, числомъ 10.060, и папирусъ Лейденскій, и, главное, исписанный стихами обломокъ кувшина, что въ Парижѣ нынѣ, въ музѣѣ Гимѣ, а когда-то ходилъ за водой за Египетской, — сколько лѣтъ тому назадъ, 7 или 8 тысячи?

Какъ бѣжишь за мною ты!
Вотъ укроюсь я въ кусты.
Добѣжала, ты за мной,
Предъ куртиною цвѣтной.

Я впередъ прыжкомъ однимъ,
Ты за мной, и мы бѣжимъ.
Кровь забилась въ головѣ,
Я споткнулась, я въ травѣ.

Ахъ, устала! Вѣрь мой
Передъ мухою такой
Палъ безсильно. Я лежу.
Обнялъ! Чувствую! Дрожу!

Мнѣ кажется, что послѣ этихъ древнихъ словъ, такъ звучащихъ звукомъ *сегодня*, — можно ли не вспомнить, менѣе древнее слово, но, пожалуй и болѣе полное слово женщины-дѣвушки, видящей любимаго и говорящей ему или о немъ, въ „Пѣсни Пѣсней“: —

Онъ ввелъ меня въ домъ пира,
И знамя его надо мною — любовь!

Но я не обѣ этихъ пѣсняхъ сейчасъ говорю.

Предо мною — совершенныя, полныя той прелести, которую мы воспринимаемъ въ дыханіи полевыхъ цвѣтовъ и въ несказанно-родномъ шелестѣ зрѣющей нивы, Болгарскія Народныя Пѣсни. Книга „Самодиви“, („Самодивы“), и рукопись „Най-хубави народни пѣсни. Любовна лирика“, („Красивѣйшія народныя пѣсни Болгаріи“), — два сборника, любовно подобранные, — какъ подбираетъ женская рука цвѣтокъ къ цвѣтку, — однимъ изъ тончайшихъ Болгарскихъ лириковъ и профессоромъ Русской литературы въ Софійскомъ университѣтѣ, Емануиломъ Димитровымъ, съ которымъ вмѣстѣ весною 1929-го года я изъѣздила плѣнительнѣйшія

мѣста Болгаріи. Нѣсколько образцовъ изъ этихъ сборниковъ явятъ и силу, и тонкость Болгарской пѣсни. Онѣ пропѣты, эти пѣсни, Болгарской женской душой, и за одною Еленою Янковой, какъ всѣ сказители и сказительницы знавшей всѣ пѣсни наизусть, было записано 333 пѣсни. (Б. Ангеловъ и проф. д-ръ М. Арнаудовъ. „Българска народна поезия“. Софія).

Отъ раба, ступающаго съ чуткою тревогой за владычицей, до нѣжной влюбленной рабыни, которую царь вводить въ домъ пира и знамя его надъ нею — любовь, завершена великолѣпная излучина, манящая, какъ полуокругъ лукоморья. Но это двѣ такія предѣльности, которая точно очерчены и въ красотѣ своей ограничены, какъ точно очерчены и ограничены въ своихъ чаахъ полярныя области. Красота вѣчно творящей и безконечно разнообразной природы отсюда не исчерпывается полярными областями. Болгарская дѣвушка чувствуетъ себя лучшео звѣздою глубоко синѣющаго передъ ночью неба, Звѣздой Вечерней, такъ лучезарно цѣломудренной, когда дѣвушка думаетъ о своимъ любимомъ.

СОЛНЦЕ БЛИСТАЕТЪ

Солнце блестаетъ,
Въ блескѣ заходитъ,
Мой ненаглядный
Выводить коня.
Вотъ сребркованной
Звякнулъ уздою,
Вотъ златошитое
Свѣтить сѣдо.
И сѣль на коня онъ,
Чтобы выѣхать первымъ
Навстрѣчу — къ желанной,
Къ Вечерней Звѣздѣ.

Отъ Вечерней Звѣзды Болгарская дѣвушка досягаетъ до самаго Бога.

ОТРОКОВИЦА

Дворъ мела отроковица,
Въ тонкой юная рубашкѣ,
Въ тонкойшелковой рубашкѣ.
— Кто дарилъ рубашкой тонкой?
— Божья Мать ее дала мнѣ,
Я тутъ Бога забавляла,
И баюкала, качала
На сиреневыхъ двухъ вѣткахъ.

Она — ирисъ, касатикъ, цвѣтокъ не цвѣтокъ, задорное весеннее преображеніе.

КАСАТИКЪ

Выросталь, расцвѣль касатикъ,
Тамъ, гдѣ земь топтали овцы,
И глядить овчарь, дивится,
То сорвать-ли, то смотрѣть-ли,
И ему сказалъ касатикъ: —
— Я тебѣ тутъ не касатикъ,
Я тутъ дѣвушка съ тобою.

Задорь Болгарской дѣвушки въ природной первобытной невинности можетъ совсѣмъ естественно и не нарочито доходить до крайней черты, не утрачивая того цѣломудрія и художественного чувства мѣры, которыя составляютъ неотъемлемое свойство Болгарской души. Олень и лань развѣ могутъ когда-либо, — пусть въ играны любви, пусть въ самый крайній мигъ страсти, — быть нескромны? Человѣческое существо, не порвавшее таинственной связи глубиннаго побратимства съ Природой, тоже никогда и никакъ не можетъ быть нескромнымъ, и въ самый волнующій мигъ счастливой чувственности. Вотъ самое чувственное пѣснопѣніе Болгарской женской души, пѣсня дѣвушки, чувство дѣвушки, улыбающейся желанному.

ДѢВА-ДѢВУШКА

— Дѣва-дѣвушка, ты роза.
Что у пазухи ростеть тамъ?
Померанцы-ли, айва-ли?
— Эй, мой милый, ты гвоздика.
Не айва, не померанцы,
Тамъ два яблока румянки.
— Что жъ, доспѣли, недоспѣли
Или, можетъ, переспѣли?
— Недоспѣли иль поспѣли,
Только впору укусить ихъ.

Здѣсь чувствуется лишь невинный, свѣжій запахъ яблокъ, душистая глуши благовоннаго сада, манящая юное тѣло къ тѣлу, юную душу къ юной душѣ.

Мы, Русскіе, многому научились отъ Грековъ и во многомъ причастились мудрости и красоты Эллады, Болгары болѣе непосредственные сосѣди Эллады, чѣмъ мы, и въ болѣе тѣсномъ историческомъ соприкосновеніи были съ Греціей. Но вотъ что примѣчательно. Сербы и Хорваты не напрасно сосѣдствуютъ съ Италией, они въ своихъ пѣсняхъ кое-чему отъ Итальянцевъ научились, къ возвеличенію и обогащенію чисто-Славянской своей чары. Однако, можно и огорчаться что тамъ, гдѣ есть въ Сербо-Хорватской пѣснѣ Итальянское вліяніе, оно неотрицаемо чувствуется, какъ таковое. Болгары же, научившись отъ Эллады художественному чувству мѣры или закрѣпивъ ея вліяніемъ свое собственное чувство художественной мѣры, владѣютъ въ пѣснѣ этимъ чувствомъ съ полною независимостью, и воздействія иноземнаго въ нихъ не ощущается. Можно привести любопытный образецъ. Аполлонъ Майковъ прекрасно перепѣлъ много Ново-Греческихъ пѣсень. Одна, если вѣрно помню, звучить такъ: —

Я БЪ ТЕБЯ ПОЦЪЛОВАЛА ...

Я бъ тебя поцъловала,
Да боюсь — увидитъ мѣсяцъ,
Ясны звѣздочки увидятъ,
Съ неба звѣздочка скатится
И расскажетъ синю морю,
Сине море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
Яни скажетъ любѣ Марѣ,
А когда узнаетъ Мара,
Весь узнаетъ околотокъ,
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

Это хорошо, но длинно, думаю я. Все сказано. По Болгарскому выражению, отъ острія иголки до конца ея.
А вотъ подобная Болгарская пѣсня.

ЛЮБОВНАЯ ТАЙНА.

Дѣва съ юнымъ на лугу любились,
Оба мыслить — ихъ никто не видитъ.
А любовь увидѣль лугъ зеленый,
Рассказалъ зеленому онъ лѣсу,
Лѣсь же рассказалъ водѣ студеной.

Вотъ примѣръ того, что сказанное-высказанное менѣе плѣнительно, чѣмъ сказанное-недоговоренное. Ново-Греческая пѣсня словообильна, Болгарская пѣсня поражаетъ цѣломудренныемъ, благороднѣйшимъ чувствомъ изящной мѣры.

Болгарская женская душа умѣеть пропѣть чарующе не только радость любви и медвяность счастья. Изумительны образы и звуки въ предсмертной скорби юной дѣвушки.

ДѢВУШКИНЪ ГРОБЪ.

Разболѣлась Бона,
Дѣвушка невѣста,
Мать ея, горюя,
Ходитъ по лужайкѣ,
Собираетъ зелья,
Вылѣчить бы дочку.
Дочь къ родимой молзитъ: —
— Матушка родная!
Не ходи по лугу,
Не сбирай ты зелья, —
Скоро, мама, скоро
Смерть застигнетъ Бону,
У тебя умру я,
Отъ невѣрной боли,
Отъ невѣрной боли
Отъ чумы отъ черной.
А какъ будетъ Бона
Не живой, а мертвай,
Какъ умру я, радость,
Укажи ты братьямъ
Сдѣлать гробъ для Боны,
Въ гробѣ три оконца,
Три оконца малыхъ: —
И въ одно оконце
Солнце мнѣ заблещетъ,
А другимъ оконцемъ
Орошусь росою,
Къ третьему оконцу
Пусть идутъ подруги,
Пусть придутъ подруги,
И меня пусть кличутъ: —
— Эй, вставай-ка, Бона,
По воду пойдемъ мы,
Наберемъ цвѣтовъ мы
И завьемъ вѣночки! —
Я же имъ отвѣчу: —
— Милыя подружки,
Милыя, идите,

А меня не ждите: —
 Задержалась здѣсь я
 Съ каменной свекровью,
 Не пускаютъ, держать
 Деверья изъ дерева,
 Не пускаеть, держить
 Ратникъ понизовья!

И таинственна Болгарка. Она, какъ Русская, какъ Полька, какъ Сербянка, какъ Чешка, какъ каждая Славянка, загадочна, и легко она бываетъ самодивой, всечудесной, — что у Сербовъ — вила, вьющая терема изъ облаковъ, — что у насъ — русалка и лѣсунка, — невѣста-лань, жена-оленица, которая сама просить желаннаго связать ей руки и завязать ей глаза, —

Чтобы я не уѣжала,
 Ибо я вѣдь самодива: —
 Чуть повѣтъ легкій вѣтеръ,
 Я тянусь очами къ лѣсу,
 А когда ударять громы,
 Сердце хочетъ мѣсть тѣнистыхъ!

Капбретонъ. 1930. 17-18 мая.

ГОРНАЯ ОБИТЕЛЬ

... Но небо ми беше покровъ, и земля постеля, и быліе пища ...

ЗАВѢТЬ ПРЕПОДОБНАГО
 ИВАНА РИЛЬСКАГО,
 ДАННЫЙ УЧЕНИКАМЪ
 ПРЕДЪ ЕГО СМЕРТЬЮ.

Нашъ путь нась мчитъ. Стремлюсь крутой стремниной,
 Съ любимой, съ Русскимъ другомъ и съ друзьями
 Болгарскими. Насъ кликнула обитель.
 Все выше взносить горная дорога,
 Съ верхушки неба Солнце лѣтъ свой пламень,
 Шумитъ потокъ, безмолвствуютъ Балканы.

Есть много въ мірѣ горъ, но лишь Балканы
 Сплели столѣтья страшною стремниной,
 Въ нихъ гнетъ и воля сердца, мракъ и пламень,
 Отчаянье и чаянье, — друзьями, —
 Вели людей въ вѣкахъ, и ихъ дорога
 Была — къ тоскѣ, и къ смерти, и въ обитель.

Любить сквозь тьму — не это-ли обитель ?
 Упругій взбѣгъ ростка внѣдренъ въ Балканы,
 Болгарамъ боль, въ вѣкахъ, была дорога,
 Но серна знаетъ, какъ ходить стремниной,
 Ей съ пропастями быть — то быть съ друзьями,
 И знаетъ барсъ, какъ рдѣеть въ сердцѣ пламень.

Отъ древнихъ дней горѣль здѣсь чистый пламень,
 Святой Иванъ въ пустынѣ взнесь обитель,
 Лѣсные злаки смотрятъ здѣсь друзьями,
 Гремять потоки въ гулкіе Балканы,
 Благоуханны липы надъ стремниной,
 Чуть шепчетъ ясень, къ Богу здѣсь дорога.

Безпримѣсна отъ зла твоя дорога,
Святой Иванъ, надъ срываемъ вѣрный пламень,
Покровъ былъ — небо, звѣзды надъ стремниной,
Земля — постеля, звукъ молитвъ — обитель,
Твердыней прадвы вздыбились Балканы,
Провалы стали вѣрными друзьями.

Я ввѣсь всходилъ съ любимыми друзьями,
Пасхальныи путь, Страстныхъ молигвъ дорога,
Въ березахъ, въ кленахъ, въ яворахъ Балканы,
За Солнцемъ ночь, свѣчей высокихъ пламень,
Подъ Царскимъ верхомъ Рильская обитель,
Болгаръ и Русь — въ молитвѣ надъ стремниной.

Мы надъ стремниной — съ вѣрными друзьями,
Въ обитель — всходъ рѣзной, вѣрна дорога,
Господень пламень свѣтить на Балканы!

Капбретонъ. 1930. 1—9 окт.

КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА

ВЫШЕДШИЯ ВЪ РОССИИ

ПОЭЗИЯ

- Сборникъ Стихотвореній. Ярославль. 1890.
- Подъ Сѣвернымъ небомъ. С.-Петербургъ. 1894.
- Въ Безбрежности. Москва. 1895.
- Тишина. С.-Петербургъ. 1898.
- Горящія Зданія. Москва. 1900.
- Будемъ какъ Солнце. Москва. 1903.
- Только Любовь. Москва. 1903.
- Литургія Красоты. Москва. 1905.
- Фейнны Сказки. Москва. 1905.
- Злыя Чары. Москва. 1906.
- Жарь-Птица. Москва. 1907.
- Птицы въ воздухѣ. С.-Петербургъ. 1908.
- Зеленый Вертоградъ. С.-Петербургъ. 1909.
- Хороводъ Временъ. Москва. 1909.
- Зарево Зорь. Москва. 1912.
- Звенья. Избранные стихи. Москва. 1912.
- Бѣлый Зодчій. С.-Петербургъ. 1914.
- Ясень. Москва. 1916.
- Сонеты Солнца, Меда и Луны. Москва. 1917.
- Перстень. Москва. 1920.
- Солнечная пряжа. Изборникъ. Москва. 1921.

ПРОЗА

- Горныя Вершины. Литературные очерки. Москва, 1904.
- Бѣлые Зарницы. Мысли и впечатлѣнія. С.-Петербургъ. 1908.
- Морское Свѣченіе. Мысли и впечатлѣнія. С.-Петербургъ. 1909.

Змѣйные Цвѣты. Мексика-Майя. Москва. 1910.
 Край Озириса. Египетъ. Москва. 1914.
 Любовь и Смерть. Испанскія Народныя Пѣсни. Москва.
 1912.
 Поэзія какъ Волшебство. Поэтическое языкоznаніе.
 Москва. 1915.
 Сопровожденіе вступительными очерками, переводы про-
 изведеній Шелли, Эдгара По, Кальдерона, Лопе де
 Веги, Тирсо де Молина, Уитмана, Уайлъда, Ибсена,
 Гейберга, Кристофера Марло, Шарля ванъ Лер-
 берга, Гауптмана, Словацкаго, Руставели, Асвагоши,
 Калидасы и др.

ВЫШЕДШІЯ ЗА РУБЕЖОМЪ

Свѣтлый Часть. Избранные стихи. Парижъ. 1920.
 Гамаюнъ. Избранные стихи. Стокгольмъ. 1921.
 Даръ Землѣ. Стихи. Парижъ. 1921.
 Сонеты Солнца, Меда и Луны. Берлинъ. 1921.
 Изъ Мировой Поэзіи. Берлинъ. 1921.
 Зовы Древности. Пѣсни и замыслы Древнихъ. Берлинъ.
 1923.
 Марево. Стихи о растоптанной Россіи. Парижъ. 1922.
 Воздушный Путь. Разсказы. Берлинъ. 1923.
 Подъ новымъ Серпомъ. Романъ-автобіографія. Берлинъ.
 1923.
 Мое—Ей. Россія. Прага. 1924.
 Гдѣ мой домъ? Очерки о порабощенной Россіи.
 Прага. 1924.
 Избранные стихи Ярослава Врхлицкаго. Прага. 1928.
 Книга Смиренныхъ Яна Каспровича. Варшава. 1928.
 Въ Раздвинутой Дали. Поэма о Россіи. Бѣлградъ. 1930.

ПЕЧАТАЮТСЯ

Соучастіе душъ. Очерки о Славянахъ и Литвѣ. Софія.
 1930. (Преимущественно о Болгаріи и Болгaraхъ).
 Золотой снопъ Болгарской поэзіи. Народныя пѣсни.
 Софія. 1930. (Съ пред. проф. Емануила п. Димитрова).

ГOTOVYATСЯ KЪ PECHATI

Ризы Едиственной. Стихи о Россіи.
 Былинки. Стихи для дѣтей.
 Зеленый Капретонъ. Южная Франція. Очерки.
 Югославянскія Народныя Пѣсни. (Сербія, Хорватія,
 Словенія).
 Сѣверное Сияніе. Стихи о Литвѣ и Руси.
 Литовскіе поэты нашихъ дней. Очерки и переводы
 образцовъ.
 Океанія. (Мексика, Майя, Полинезія, Ява, Японія).
 Очерки.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ЧТО ДАЮТЪ МИРУ СЛАВЯНЕ?	3
О НАРОДНОЙ ПѢСНѢ	11
СКАЗКИ ПЕРВОБЫТИЯ	19
МНОГООЧИТАЯ МУДРОСТЬ	28
НЕДОГОВОРЕННОЕ	37
САМЫЯ МАЛЕНЬКІЯ СКАЗКИ	49
БОЛГАРСКІЯ НАРОДНАЯ ПѢСНИ	56
БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ	59
СОУЧАСТИЕ ДУШЪ	66
СЛАВЯНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ	74
СЛАВЯНСКОЕ ДРУЖЕСТВО	78
НА ВЫСОТАХЪ ПЛЕВНЫ	82
ЕМАНУИЛЬ п. ДИМИТРОВЪ	94
Н. В. РАКИТИНЪ	100
Н. ЛИЛИЕВЪ	106
ИЗЪ ИВАНА ВАЗОВА	109
ПѢСНИ ЖЕНСКОЙ ЛЮБВИ	111
ГОРНАЯ ОБИТЕЛЬ	121

МАЛАР ЧАР. КУЛТУРА